

СМЕНА

5 1961

ХЕССЕ Р. (ГДР). МИР И ДРУЖБА МЕЖДУ ВСЕМИ НАРОДАМИ
Международная выставка «Интерпресс — Фото. 1969».

Куда: ЦЕЛИННЫЙ КРАЙ Кому: МОЛОДЫМ МЕХАНИЗАТОРАМ

Март — первый весенний месяц. А нынешняя весна особенная. Это третья весна семилетки. Многое предстоит нам сделать в этом году. Вот всего несколько цифр. Как радуют они наши сердца! Третий год семилетки принесет стране 51 миллион 200 тысяч тонн чугуна, 71 миллион 340 тысяч тонн стали, более 55 миллионов тонн проката. Советские люди получат на 11 миллионов квадратных метров жилья больше, чем в 1960 году.

Производство тканей всех видов будет увеличено до 8 миллиардов 148 миллионов метров, кожаной обуви — изготовлено более 440 миллионов пар. Миллионные цифры характеризуют и выпуск продовольственных товаров. Ныне Центральный Комитет КПСС поставил большие задачи по дальнейшему подъему сельского хозяйства.

Есть тут над чем потрудиться, где приложить молодую энергию!

Огромный трудовой подъем вызвали в стране решения январского Пленума ЦК КПСС.

Комсомольцы многих республик, краев и областей сделали уже немало для ускоренного развития сельского хозяйства. В Белоруссии, например, по инициативе комсомольцев создается фонд запасных частей для сельскохозяйственных машин. Молодые рабочие и конструкторы промышленных предприятий города Владимира механизировали в селах области около 500 ферм. Интересное дело задумали комсомольцы Свердловска. Они решили сформировать и отправить в Целинный край комплексные строительные отряды.

А комсомольские комитеты Литвы, Новгородской, Рязанской, Брянской областей направили в целинные совхозы подарки — комплекты инструментов для ремонта сельскохозяйственных механизмов. Всего же механизаторы Целинского края получат в ближайшее время более 500 таких посылок. Их подготовят комсомольцы девяти республик, многих краев и областей нашей страны.

Такие же комплексы-подарки высыпали в подшефные совхозы Казахстана и комсомольцы Москвы.

Но это только начало. Впереди у комсомола много больших дел. Трудовыми подвигами встречают юноши и девушки XXII съезд КПСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена
Литературно-художественный
общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

Издание Третьего восточного

МАРТ
1961

«...Пиши вам потому, что жить так больше не могу. Мне 18 лет. Обычно взрослые люди говорят, что это самый хороший, самый счастливый возраст. Может быть, только я во всем инноват, но в жизни у меня как-то не все хорошо...»

Если вы хотите узнать, что случилось с Кириллом, откройте стр. 19.

НАСИБ БЕКИРОВ ПОБЕЖДАЕТ ГОЛОДНУЮ СТЕПЬ

Очерк о нашем замечательном современнике, молодом хлопотробе, вы найдете на стр. 12.

ВОЛЬНОГО ФУТВОЛ 1961 ГОДА...
ЧТО МЫ ЖДЕМ ОТ ПРЕДСТОЯЩЕГО СЕЗОНА? ПРОГНОЗЫ, РАССУДКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ... ОВОЙСЕМ ЭТОММОЖНО ПРОЧИСТЬ В СТАТЬЕ ЛЬВА ФИЛАТОВА «ВСЛЕД ЗА МЯЧОМ».

«ПОКА НЕ ПРОБИЛАСЬ БОРОДА...»
Так называл свой поэмфлет известный финский сатирик Мартий Аарни. Мы публикуем его на стр. 30.

ЭТИ НАВОРЫ СВЕРДЛ ФРЕЗ, ПЛАШКИ И МЕТЧИКОВ, КОТОРЫЕ УПЛОТИВАЮТ НИКОЛАЯ КРАШЕНИНИКОВА, СЕКРЕТАРЯ КОМИТЕТА ВЛКСМ МОСКОВСКОГО ЗАВОДА «ФРЕЗЕР», И РАБОТНИЦЫ ЦЕХА № 15 НИНА ЧИЛИЧИНА И ЛИДИЯ ДОРОГИЕВА, ПОДАРОК ЗАВОДСКИХ КОМСОМОЛЬЦЕВ МЕХАНИЗАТОРАМ ЦЕЛИННОГО КРАЯ.

Фото Г. Дубинского.

«Смена» открывает новый раздел:

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

Первое листко «календаря» — на стр. 8.

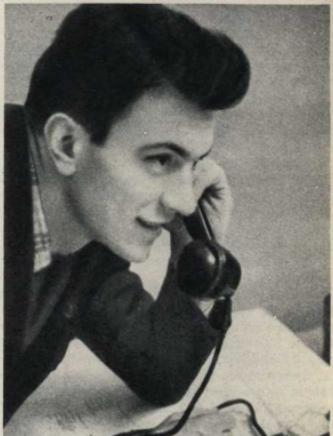
В этом номере вы сможете познакомиться с эпизодами из жизни великого Кобзаря, о которых рассказывает писатель Борис Вадецкий.

Первая страница обложки: Высоко в горах Тян-Шаня сооружается дорога Фрунзе — Ош. Каждое утро молодые строители начинают с физкультурой зарядку на склоне горы.

После такого снежного душса весь день весело работает — шутят ребята.

Четвертая страница обложки: Эти люди просят солнца светить в горы в стране тоннелей. Здесь прошел автомагистраль, которая связывает северную и южную части Киргизии.

См. фотоочерк Виктора Санки «Дорога в поднебесье».

ЮРИЙ ИНЬКОВ: «ДА, ДА, ЕДУ!»

МОЛОДЕЖЬ ПОВСЮДУ БУДЕТ ПЕРВОЙ. КОМСОМОЛЬЦЫ, НА ПОЛЯ И ФЕРМЫ!

В тот день Юрий пришел домой позднее обычного. Вера Александровна и Монсей Георгиевич уже сидели за ужином.

— Задержался в комитете,— отвел Юрий на вопросительный взгляд отца.— Наши ребята на село собираются. Я тоже решил ехать...

— Надолго? — с тревогой спросила мать.

— Увольняются ребята... Хотят стать сельскими жителями. А ты?

— И я... Чем я хуже других?.. В комнате воцарилось молчание. Уж слишком неожиданным было решение сына. В самом деле, в свои двадцать четыре года Юрий сумел добиться того, что удается не каждому. Способный инженер, он так организовал работу своего участка, что не было случая, когда бы здесь не перевыполнили плана. Полгода назад Юрий избрался в кадровые молодые организации или тогда незаметно. На собраниях — скуча, да почти никаких. При Инькове все перенеслись.

Интересные диспуты о жизни, встречи с бывальными людьми... По инициативе комсомольцев в цехе отказались от отдела технического контроля, табельной доски. Вся молодежь учится...

В дни январского Пленума ЦК КПСС коллективу цеха было присвоено звание цеха коммунистического труда.

Общественная работа не мешала Юрию заниматься спортом. Он играет за баскетбольную команду мастеров московского «Спартака».

Честно говоря, и по дороге с завода и сейчас, дома, постыдился шумного заседания в комсомольском комитете, Юрий раздумывал над тем, не потопротись ли он с решением уехать. Ведь он не лишний здесь, в Москве! Да и сколько интересных дел затянуло сейчас в цехе! Ребята крепко верили в свою силу — с ними теперь гору свернуть можно. Взять хотя бы последнее решение: в подарок XXII съезду партии комсомольцы взялись в нерабочее время бесплатно собрать десять пе-

родающих электростанций для сельского хозяйства. Значит, все броскости? Нет, так рассуждать тоже нельзя, думает Юрий. Но селе, конечно, потруднее, чем здесь. Но сколько ему лет? Всего-навсего двадцать четыре. И когда же, если не теперь, испытать себя в настоящем, трудном деле? Нет, он едет!

Но тут же в голове появляется мысль, которая уже давно не дает покоя: как отнесутся к этому жена и отец?

А Вера Александровна, жалея, конечно, о решении своего неумного сына, в то же время чувствовала, что нет, не сможет она запретить ему отправиться вместе с товарищами-комсомольцами туда, куда, видно, всегда зовет его искренний порыв юности. Невольно мысли ее перебрасывались к собственной молодости. Вспомнилось создание одного из первых колхозов на Орловщине. Зимнее, уже поступив учиться, она каждое лето приезжала в родное село, помогая родным в страдную пору.

О собственной молодости

вспоминалось у Монсея Георгиевича в тот памятный для нее день вечер. Он тоже думал о том, что не находится у него слов, чтобы ответить сыну. Не может он, человек, прошедший большой трудовой путь — путь от ластука до заместителя министра, — запретить своему сыну, горячей голове, попробовать силы в большом, трудном деле...

— Молодец Юри! Крепко вопрос решил! — нарушил молчание отец.— Никита Никитович, дед Юрия... Мне в воспоминаниях труднее этого пришлося, а вы дыш, ничего со мной не случилось... Деревенский воздух, он, брат, полезный... Я ведь разве что по прописке москвич, а на самом деле я сельский житель. Штука ля, полевка в деревне учительство-вал.

— Татьяна-то еще не знает? — с тревогой спросила Вера Александровна.— Грудной ребенок на руках — это не шутка...

Юрий молчит. Татьяна — инженер-энергетик. Дело, конечно, найдется и для нее на селе. Но

вот решится ли она?.. За Юрия отвечают отец:

— Если настоящая она тебе жена, сынок, значит, поедет...

Хлопнула входная дверь. Вернулась с работы Таня. Молодые ушли к себе в комнату. Через несколько минут Юрий вернулся снявшись. Вера Александровна удивилась, спрашивая о том, что решила Таня, но было никакой необходимости.

Вместе с Юрием Ильковым, инженером Московского завода имени Владимира Ильина, поехать на работу в село решили комсогор 21-го цеха Виктор Середняк и член комсомольского бюро Владимир Мельников. Первые в труде и в общественных делах, они и тут оказались запевалами. Вслед за ними заявились с просьбой направить на работу в сельское хозяйство национальные сварщик Валерий Зубрицкий, слесарь Вячеслав Графов, инженер Лазарев, Юрий Давыдов...

Да, самых лучших своих сынов и дочерей посыпает комсомол на село.

В эти дни, подхватив замечательный почин молодых москвичей, комсомольцы Ленинграда и Уфы, Киева и Новосибирска, десятков других городов решают стать трактористами, комбайнерами, снайперами, десантниками.

Видите на этих фотографиях тех, кто был среди первых добровольцев столицы. Люди разных профессий: инженеры и слесари, копировщики и шоферы — они,

волнуясь, писали свои заявления, заверяя в них партию и комсомол, что не покажут своих сил, чтобы помочь быстрее создать в стране изобилие продуктов сельского хозяйства.

«Горячо отказываясь на призы партии...» «Хочу быть там, где труднее...», «Если Родина требует...» — такими словами начинаются многие заявления. Они получают от самого государства. Они выражают замечательные патриотические чувства советской молодежи. На Московском заводе координатно-расточных станков первыми заявили о своем желании поехать в село слесари Анатолий Пономарев, токари Василий Оськин, Валерий Шишкин, Анатолий Петров. Они вместе учились в ремесленном училище, вместе пришли на завод и сейчас все вместе решили отправиться на работу в один из поселков Московской области.

Рядом с их заявлениями ложатся десятки других. От комсомольцев завода малолитражных автомобилей, «ГПЗ-1», Электрозвавода...

Выращивать на комсомольских гектарах богатые урожаи кукурузы, работать так, чтобы как можно быстрее выполнить решения Январского Пленума ЦК КПСС, — это живет сейчас комсомол. Патриотическое движение городской молодежи на село — еще одно убедительное тому доказательство.

Г. АНДИМИРОВ
Фото Г. Дубинского.

ПОСЛАНЦЫ СТОЛИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ОНУРЮНДИ ГЛАВНОГО АГРОНОМА ПОДМОСКОВНОГО СОХОЗА «СЕРЕБРЯНЫЕ ПРУДЫ» ФЕДОРА ЛЕОНТЬЕВИЧА ДВОЕНКО (на снимке слева). КАЖДОМУ ХОЧЕТСЯ УЗНАТЬ, ЧТО ЖДЕТ ЕГО В МЕСТЕ «ХОЗЯЙСТВО У НАС ВОЛЬНОЕ, ЕСТЬ, ГДЕ ПРИЛОЖИТЬ МОЛОДУЮ СИЛУ...» — ГОВОРЯТ ФЕДОР ЛЕОНТЬЕВИЧ. — ПРИЕЗЖАТЕ, РАДЫ БУДЕМ ВАМ!

ДРУЗЬЯ С МОСКОВСКОГО ЗАВОДА ИМЕНИ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА — ВЛАДИМИР МЕЛЬНИКОВ, ЮРИЙ ДАВЫДОВ, ВАЛЕРИЙ ЗУБРИЦКИЙ, ВЯЧЕСЛАВ ГРАФОВ, ВИКТОР СЕРЕДНИК И ЮРИЙ ИЛЬКОВ — ТОЛЬКО ЧТО ПОДАЛИ ЗАЯВЛЕНИЯ С ПРОСЬБОЙ НАПРАВИТЬ ИХ НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ В СОХОЗ.

Виктор САКК,
специальный корреспондент
«Смены»

ДОРОГА В ПОДНЕБЕСЬЕ

ЭТО УЖЕ НЕ МЕЧТА

Киргизия — край солнца, плодородных долин и высоких гор, недра которых таят в себе несметные сокровища. Но не легки к ним добраться.

Мощные хребты Тянь-Шаня протянулись с запада на восток и разделили Киргизию на две части. Только головокружащительные караванные тропы, затерявшиеся высоко в горах, соединяли эти части республики. Чтобы проехать верхом по такой тропе из Фрунзе в Ошскую область, нужно было потратить больше месяца. Старые проводники говорили: «Тело довезем, а за душу не ручаемся».

Немногие отваживались вступить в единоборство с бурными горными реками, каменными осыпями, снежными обвалами. Люди предпочитали менее опасный, окольный путь через Казахстан, Узбекистан и Таджикистан.

В старину слагали легенды о богатыре, раздвинувшем горы и открывшем перед народом богатства родины. Эти легенды выражали давнюю мечту киргизского народа о широкой, удобной дороге в богатейшие южные районы Киргизии. Но где найти такого сказочного богатыря, который бы смог раздвинуть горы? Разве могли поверить старики, что на месте вьючных троп лежет когда-нибудь благоустроенная автомагистраль Фрунзе — Ош! Это было покоже на сказку, которую слышали киргизы от своих дедов.

Но теперь это уже было. Ташкадская дорога строится. Она соединит главные районы Киргизии, откроет доступ к огромным горным богатствам и соединит земли Киргизии с среднеазиатскими республиками. Дорога пройдет через четыре горных хребта, по ущельям и перевалам, местами в зоне вечной мерзлоты, в условиях постоянных горных обвалов, снежных лавин и каменных оползней.

Это строительство — небывалое по своему размаху и по своим трудностям. И, как всегда, не самых трудных участков — молодежь.

Я поводу встречал этих неутомимых парней в полуночках и ватниках — на дорожных участках, за бараками автомашин, в кабинах бульдозеров, — борющихся с непрступными теснинами Тянь-Шана.

Это они пробивались на машинах к участку строительства, отрезанному от мира снежными завалами. Токтогульский район остался без продуктов. Двенадцать дней и ночей боролись водители автомашин и бульдозеров со снежными завалами, доходившими местами до четырехметровой высоты. Двенадцать дней и ночей они упорно преодолевали расстояние в горах в обычное время можно было пройти за восемь часов. Последние четыре дня они ничего не ели: кончились продукты. Но ни один из них не приторчился к консервам, которые везли в поселок.

Это они спасали мосты и ме-

КАК ВСЕ ЗДЕСЬ НЕ ПОХОДЬЕ НА РОДНОЙ КРЕЩАТИК, НА ВЛАДИМИРСКУЮ ГОРКУ! но зато как здесь много того, о чем Евгений Броницкий мечтал в институте! два года назад по Комсомольской путевке приехал он в Киргизию на строительство высокогорной дороги. Недавно за умелое руководство участком, который вышел победителем в соревновании, Евгений был награжден почётной грамотой Президиума Верховного Совета Киргизии.

ЛЮДИ НЕПРИЯТНОСТЕЙ ДОСТАВЛЯЮТ СТРОИТЕЛЯМ НАЛЕДЬ...

АЛЕКСАНДР САЧКОВ И АРКАДИЙ КАЛИНИН — ВЕТЕРАНЫ ПЕРЕДОВОГО ЗАВОЯ ОДИН ИЗ ТЕХ, КТО В ТРУДНЫХ УСЛОВИЯХ СКВОЗЬ ТОЛЩУ СКАЛ ПРОВИДЕЛ САМЫЙ ВЫСОКОГОРНЫЙ В СТРАНЕ ТОННЕЛЬ.

бульдозеров, не выдержав схватки с пургой, недвижно стояли в снежном плена. Дорогу чистить было нечем, и тоннель оказался отрезанным от поселка и складов.

У портала образовалась снежный коридор высотой в два метра. Здесь не успевали чистить пути для откатки породы. Только пройдет состав вагонеток, как тотчас пурга замечает пути, и снега, выбиваясь из сугробов, отбрасывает волна лопатами. Все машины были брошены на расчистку портала, только бы не стал передовой забой!

Неожиданно новая угроза нахлынула над тоннелем: в компрессорной началиася солгары. Остановятся компрессоры, прекратится подача сжатого воздуха в забой, и тогда замолкнут перфораторы, замрет сердце тоннеля...

От склада с горючим до компрессорной — триста метров. Каждый шаг в снегу, дополненный усилием требует нечеловеческих усилий. Дышать тяжело, оказывается большая высота. Но люди упрямо идут

вперед, от склада с горючим к компрессорной, волоча за собой сани с солярой. Одну бочку дотащили и вытолкались вконец. А надолго ли ее хватит? Нах, час, ну, может быть, на два...

И тут спасари Николай Дмитриев вспомнил, что когда они с Александром Водолазовым таскали сани, то наступились на трубу — тут их много под снегом влезе компрессорной. А не проложить ли от склада к компрессорной трубопровод, прямо по снегу? Тогда можно проделывать до склада пути...

Правильно! Надо попробовать, ребята, другого выхода нет — поддержал их начальник участка.

Коммунисты Дмитриев и Водолазов взглянули эту битву с пургой. За ними пошли остальные. Когда первые трубы были проложены, люди повернули в свои силы и словно засыпали об усталости...

Ветер обижал лицо, пальцы

примерзали к металлу, но строители шли, и за ними тянулась черная змеяка трубопровода. Каждый знал, что на

СКВОЗЬ ПУРГУ...

ханизмы от бурных горных потоков, совершили то, что казалось невыполнимым. Особенно запомнился один случай.

По узкой горной тропе перевала, где не разъезжается и двум машинам, медленно шел экскаватор. Его сопровождали три бульдозера — одно впереди и два сзади.

Много перевозили на своем веку склон Тюя-Ашу, но такого еще не видели. Никому еще не удалось перенести экскаватор своим ходом через перевал!

Конечно, было проще и безопаснее разобрать экскаватор и на машинах везти его окольным путем в Сусамыр. Но для этого потребовалось бы много машин, а главное, путь их длился бы тридцать пять дней. Нет, так долго строители в Сусамыре не могли ждать! И тогда машинист экскаватора Борис Кузнецов, механик Александра Григорьевича бульдозериста Николай Чернобровец, Григорий Церененко и Павел Новиков решили проложить зенитерой машину прямиком через перевал. Лишь когда необычный караван начал медленно выбраться по тропе, ребята поняли, за какое ответственное и, право скажем, опасное дело они взялись. Внизу зияла пропасть. Из-под гусениц в нее ссыпалась камни. И от мысли «а что, если...» непрятный холодок пробегал по телу. Однако никто не сбирался отступать.

На последнем, самом трудном повороте бульдозер Чернобровца вдруг забуксовал. Трос, которым он был связан с экскаватором, оборвался. Экскаватор стал сползать в пропасть, увлекая за собой идувшую вперед бульдозер Новикова. Тогда Григорий Церененко, не задумываясь, подставил свою бульдозер под гусеницы сползающей машины.

Вскоре в Сусамыре машина Бориса Кузнецова приступила к работе.

Очень смелые эти парни в полуушках и ватниках, с комсомольскими билетами в нагрудных карманах!

СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ...

Вход в портал тоннеля напоминает огромную пасть каменного чудовища. В его темную глубину уходит артерии труб, шланги со сжатым воздухом, гилянды лампочек, закоркье рельсы. Время от времени каменное существо тяжело вздыхает — это тоннель наполняется приглушенным гулом взрывов. А потом черная пасть его долго выплевывает вагонетки с отработанной породой.

Тоннель живет своей сложной жизнью, и где-то глубоко под громадой скал бьется его сердце — передовой забой.

Четвертые сутки не унимался буран. Со сказочной быстрой росли снежные барханы. Они до самых крыши засыпали поселок строителей. Пять

нега надеются те, кто в забое,
и что теперь от него зависит,
чтобы пограничники не забыли
могилу.

Трубопровод был проложен.
Люди продержались еще две
сутки — до окончания пурги.
Ни на минуту не остановилась
работа в передовом забое. Так
был выигран поединок со сти-
хиями.

Прислушайтесь! Там, высоко
в горах Киргизии, слышен уча-
щенный пульс большого строи-
тельства. Сердце самого высо-
когорного в стране тоннеля
бьется!

— А ВЕДЬ НЕПЛОХОЙ ТОННЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ-
СЯ! РЕВОТА! ФАКТИ НЕ ХУЖЕ, ЧЕМ В МОСКОВСКОМ
МЕТРО...

ТРОЕ В ТАЙГЕ

РАССКАЗ

Проникин проснулся от холода. Брезент кро-
шечной пластики глядело просвечивало — значит,
уже засыпало. Терпко пахло кедровыми ветка-
ми. Толстым слоем они лежали на земле вмес-
тно сосновой, пихтовой и колючей листвой. С при-
свистом хранил дядя Костя Проникина накрыл
его своим ватником, отстегнув полог и на кор-
точках выполоскал наружу.

Солнце красило кроны кедров и вершинами
ильмов. Трава и кусты, уже кое-где в пятнах
осенней ржавчины, сверкали перламутром си-
неватого инея. Перед плащом лежала белый
конус вчерашнего костра и пустая консервная
банка.

Михаил оглянулся и удовлетворенно посмотрел
на большую кучу — целую комину бледно-
желтоватых, в коминах земли корней, торчав-
ших во все стороны. Прикинул. Если и высу-
шить, то килограммов, небось, больше ста ши-
тидевяноста будет, а то и все двести. Закурил
махорочную самокрутку, забко повес пачками и спустился в лопинку. Здесь, журча на краю
скользких камнях, напевая свою изнуряющую
песню, бежала юности-прозрачная речушка.

Проникин все же не мог усидеться и вспо-
мнил о своем ярком сыне. Ему сильнее,
чем это не хватило бы, далика как это ее щеки,
а Галина румяные от смущения, в новой вязаной
кофточке, которую он, Михаил, ей пода-
л, можно прислониться к нему щекой.
Разглядывая осторожными пальцами его
вскользь обрывки бровей. Печка ярко пылахает:
как готовится что-то вкусное, — и необыкновен-
но аппетитные запахи щекочут ноздри...

Опустившись на корточки у ручья и положив
на камень мыло, он думал о Глаше, на том,
что она говорила в последний раз. Потом бы-
строми движениями, чтобы согреться, вытрях-
нул из-за широрота хвойные иглы, умылся. По-
лотенце осталось в рюкзаке, возле дяди Кости.
Михаил не хотел тревожить его и утер лицо
платком. Хороший старик! Взволнована, можно
сказать, из беды...

Собственно, дядя Костя вовсе и никакой не
родственник Михаилу Проникину. Просто зна-
комый по поселку Карташи. Михаил по воз-
расту в отца годится. По деревенской пры-
вычке зовут его многие дядей. И Михаил
также.

Дядя Костя, или Константин Семенович
Крупников — старый бобтый, сухой и жили-
стый, порой раздражительный, или, как говорят о нем, психоватый, но отходчивый. В об-
щем — совсем не злой. И как все отлично вы-
шло! Пришел к нему, к Проникину, прошлой
зимой старик на выручку. Дело было так.

На лесозаготовительном пункте Проникин

Рисунок Е. Галея.

КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА

ПОДВИГИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

С этого номера Редакция «СМЕНЫ» начиняет публикацию
«КАЛЕНДАРЯ ГЕРОИЗМА», в котором мы расскажем о подвигах
советских людей в третьем году Семилетки на суше, на море
и в воздухе.

ПРИГЛАШАЕМ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ» ПРИСЫПАТЬ В РЕ-
ДАЦИЮ ПОСЛОНИЧНИЦА, ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ, ФОТОГРАФИИ
О ГЕРОИЧЕСКИХ ДЕЛАХ СТРОИТЕЛЕЙ КОММУНИЗМА.
ОТДЕЛ «КАЛЕНДАРЬ ГЕРОИЗМА» ВЕДЕТ ПИСАТЕЛЬ Е. РЯБЧИКОВ.

Штурм, налетевший из глубин Тихого океана, нещадно бросал ма-
ленькие суденышки на скользкую
брюховую. И она то скользила
на гребни пенистых водяных гор,
то проваливалась в черную безд-
ну. Страшно было ждать, что та-
кая минута разломит самоходную баржу, но страшнее
было...

Все выдержали, все перенесли
героя Тихого океана — четверни
отважных советских солдат-комса-
ковцев.

Никита Сергеевич Хрущев, при-
ветствуя германскую четверку —
Аксата Энгельмана, Филиппа Поп-
пена, капитана Альберта Красного
и Ивана Федотова, — писал им:

«Мы гордимся и восхищаемся
вашими славными подвигами на море.
Представляем вам призёров про-
вального мужества и силы духа со-
ветских людей в борьбе с силами
света».

Легендарный дрейф четверни
отважных комсомольцев, победив-
ших слепую стихию, на бы отме-
тили начало второго года семилет-
ни — 1960 года.

Начался 1961 год. Но стечению
обстоятельств оно началось с
связанных подиантами советских
моряков. Танкер «Егорьевский», до-
ставив горючее в западногерманский
порт, направился по Норвеж-
скому морю в Бискайский пролив. В Бискайском заливе. Впрочем, предста-
вим «слово» захваченному журналу
«Бискайский пролив».

18 ЧАСОВ 16 МИН. Услышаны
два взрыва, один за другим. На
мостик прибыли капитан и весь
командный состав. В районе 6—7
тысяч метров от берега. Объявлены
пожары.

18 ЧАСОВ 20 МИН. Последовали
еще два взрыва, один в районе
также 5—6 тысяч метров от берега,
другой в районе танка 8. Постаны
люди для пуска угленисплаты на
носовом краю.

18 ЧАСОВ 25 МИН. Последовал
пять взрывов, один в районе танка 2.
Судно резко кренилось на левый
борт. Палуба левого борта ушла
в воду.

18 ЧАСОВ 40 МИН. Стоп маши-
ны.

Станислав КУНЯЕВ

Чубчик
кошмара

Есть чувство косм

Средь разных
земных сумятиц и забот
оно волнистое и властно
вдруг обогнёт и позовёт.
Оно влекло в моря Колумба,
судьбу Джордано предрекло,
им жалъ мечтателя из Калуги...
И Ленина оно влекло!
Когда на штурм подились роты
и над Невой вставал рассвет,
он уловил в громах «Арборей»
раскат космических ракет!

Глотая белое пространство,
без края и без берегов,
наши самолет летал над царством
волнообразных облаков.
Сменялись очень прихотливо
рисунки облачной гряды:
качались пепельные трямы
и великанские грибы,
качались горы и сугробы,
и, розовым озарено,
все превращалось в грозды,
грозы.

и в исполненном руно.
И, глядя на тугие складки,
на малечину, кипеные их,
я вспомнила быльи сказки
сурвовых предаев моих.
Было, в засуху взывали,
несы иконы на руках,
людей храмлытки рисовали,
поклоняясь в облязках.
И облака казались дедам
на протяжение сотен лет
недостижаемым пределом
молить, фантазий и легенд...
Я вспомнила времена быльи,
их страсти,
радости,
пока
мы пропорхали кучевые,
облагетанные, обжитые
часковые, земные облака

Логика слова у словаря:
как содеешь — так и назовется.
Мореходы — море бороздят,
по земле идут — землероходцы.
Но порой, бывает, неожиданно
изменяются значения слов...
Люди с незапамятных веков
знали это слово — небожители,
только называли им... бабки.

НЕТ СИЛЬНЕЕ ЛЮБВИ . . .

Фото Дины Хаджасовой

рил секретарь. Нет, никакая сила не сможет повернуть Насиба обратно!

Насиб вышел на берег оросительного канала, выпрыгнул из яму, посыпал саженец. Удалил ветер, сломал саженец. Насиб посыпал новый. И его сломал ветер. Насиб повернулся к ветру спиной, прикрывая саженец телом. Ветер мгновенно переменился направление, и к ногам Насиба снова упал сломанный прут. Четыре коряги перекрыли ветер. Он забыл четыре комы, а кончики тростников сполз на поле саженца. Тишина. Ветер ничего не мог подсказать: тросты пружиняли, ударили в деревце в земле...

А как удержать людей? Их не привяжешь. Надо, чтобы по доброй воле согласились пойти в бригаду Бекирова работать на хорасчете.

Насил долго говорил с парнями и девчата-ми. Объяснял пользу хорватчата: ведь он подмога честным работникам. Напомнил слова секретаря, рассказал о соседах. И о том, что аванс могут увеличить, смотря по тому, какие будут в бригаде виды на урожай... Наконец убедил земляков.

И началось...
Бесплодную землю надо было лечить: вспахать и промыть от солей. Насиб, дни и ночи работавший на единственном тракторе, не управлялся. Однажды он послал на центральную усадьбу Бузекова Умерова, ездового бригады, попросил пригнать в помощники трактор от соседей на ночь, взаимообразно

Тракторист с центральной отказался ехать:
— Ночью глаза не видят!

Боуబен и уговаривал его, и умолял, и «на горло брал» — ничего не помогал. Тогда он попросил разъяснить ему, Умерову, как и что надо делать, чтобы трактор пошел. Да, он сам пытается машину, она немножко знакома ему. Тракторист потянул ульбку и объяснил: ему было очень интересно знать, чем это кончится. Штечка про себя его насторожила. Воувебен влез на сиденье... пронахал

Цыбулько.
Ныла спинка, занемевшая от непривычного напряжения. Хотелось есть, и он беспрерывно курил. Его подмывало уйти. «Черт побери, ведь ты не тракторист!» Воубэкс злился, глушил мотор, ставил ногу на гусеницу. Но в этот момент тарахтенье трактора, на котором трудился Наскоб, с оглушительной силой извергалось в уши Воубэкса, и он вновь заводил двигатель.

Хозяин трактора явился утром. Невидимые, воспаленные от пыли и бессонницы глазами посмотрел на него Буровек. Ему захолстить вдруг этого парня. Он след, держась ноги-гумпуками пальцами за выступы трактора, ... покачнулся от налетевшего порыва ветра. Там без отдыха роется сутки. Сейчас не хотелось ни есть, ни курить. Только спать, спать. Приди в поселок, Буровек заставил себя пойти и... отправился на участок. Вот это время, не смоляк, таражах Насобис трактор. Видно, правильно говорит люди, что человек для человека — зеркало.

...Равнина без конца и края. Нигде ни кустика, ни деревца — сплошь бурьяны, низкий, будто стриженный под бобрик, серый от пыли. И небо серое, свинцовое, осененное. С глухим гудением на горизонте плещут смерчи — черные столбы песка и пыли, свишающиеся жгутом. К горизонту убегают мачты высоковольтной линии.

По обочине проселочной дороги идет Насиб Бекиров, узкоплечий, неприметный. Стена кожа на суставах пальцев, и корески вились в ладони, шершавые, как начинаящая бумага. В четырнадцать лет Насиб сел на трактор и вот уже семнадцатый год не расстается с ним. В руках Бекирова лопата, под мышкой охапка тощенических, толщиной в мизинец, саженцев. Насиб посыпался на втором отдалении саженцев. «Быстро! № 2, что в посадке!» — крикнул издали старший, решив погодить на своем участке деревья. Добрыг обычай: одно поклонение уступит место другому, а деревья будут стоять и радовать деревенскую глыбу и погористые листья.

Но вырастут ли деревья? Там и сям по обе стороны дороги виднеются плашни: то скваженные твердой сочной коркой, то прищущенные сюлько, точно снегом. Это солончики — ворчатель земля. Неумелые, гороподные руки, под воздействием хлопотливых плашнитов, неизменно тянутся к тому, чтобы отвестить густоосажденную подпочвенную воду в специальные оброссы — корневища. И деревца, когда она растекается по плашнику, в беспорядке, с обескровленными почками, в мат-земля превращаются в маучек. Здесь не растет даже бурьян, а проходит, и доволится неchet.

По проселочной дороге катят грузовики. В них — бывшие рабочие этого отделения «Балуга» со своими пожитками. Вдали виднеются брошенные дома. Ветер хлопает деревьями, подымает в воздух клоны соломы... Люди бегут. Насиб останавливается, прислонившись к дереву, и говорит: «Погоди, я тебе скажу...»

вожает машины долгим вздохом, «почему быгута?» Земля не верят?» Худая земля, убегающее плодородие, как говорят агрономы, — одно слово, макеяха. Но ведь соседи, в совхозе «Балут» № 4, ухитряются выращивать по тридцать центнеров хлопка с гектара. Больше, чем в среднем по республике! Ни таких же засоленных землях! Стала быть, дело не в земле, а в отношении к ней... Выйдет может, люди просто не хотят трудиться? Навряд ли. Насиб знает многочисленных сидящих в грузовиках — работающие ребята, ничего не скажешь.

«Хозрасчета испугались...» — догадывается Насиль. Дело в том, что если раньше у рабочего в совхозе была твердая зарплата, независимо от результатов труда, то теперь будут платить за произведенную продукцию. Даешь много дешевого хлопка — заработаешь, нет — зашибай карманы. А жить придется на аванс, процентов шестьдесят от заработка. Божако, что и говорить!

Люди бегут. Но Насиб идет в обратную сторону, навстречу грузовикам. Он вспоминает недавний разговор с секретарем Баянжского райкома партии. «Голодная степь может дать один миллион тонн хлопка», — говорил он.

МЕРТВАЯ ЗЕМЛЯ. ТАКОЙ ОНА БЫЛА ТРИ ГОДА НАЗАД...

Дела в бригаде шли хорошо. И вдруг Абсамат Файзуллин объявил, что он уходит из бригады:

— Мать болна, позаботиться некому.

Его начали отговаривать. Насиб обрвал товарищ:

— Зачем уговаривать? У него мать больна!

Голос у Бекиррова был простуженный, какое слово отдавалось больно. Он не сказал больше ни слова: не маленький Абсамат, сам должен понимать, что и другим не легче.

Взять хотя бы его, Насиба. Еще во время войны он проводил на поле круглые сутки: кому ж, как не подросткам, заменить мужчин-фронтовиков? Он так уставал, что засыпал на гряддах. Так и заработал ревматизм. Волнистые мучила бандитиада. И поутру, вставая на работу, он притом-таки воевал с полупогнувшим телом.

Абсамат ушел.

Строгая штукя — хозрасчет: без ошибки выясняется при нем, кто чего стоит. Может быть, именно за это и ценят его теперь хлопкоробы?

После ухода Абсамата в бригаду попросились сразу двое: Камбархон Юсупова и Шукрухон Хайдарова.

Землю приплюснуло покортился. По тридцати центнеров хлопка с гектара собрали бригады. Сколько же хлопкоробов восседали на дачах. В три раза дешевле, чем в среднем по республике, обошлось им центр. Но давать пять тонн приплюснуло на каждого человека в бригаде. Это очень много.

Директор «Балута» Усман Юсупович Юсупов, ярый поборник хозрасчета, уверял, что если бы каждый хлопкороб республики смог собрать по стопку, страна получила бы не три с лишним миллиона, как в прошлом, урожайном году, двадцать пять миллионов тонн хлопка!

Новая система оплаты труда оправдала себя. Но только эта система не заслуживает внимания! Вокруг дирекции сожалели о немногих. А вокруг бригады — о заслуженных. Бекиррову давали пять человек — двадцать пять новичков, нехлопкоробов. Переселенцы из горных кишлаков, они занимались животноводством, выращивали сады. Как хлопок растет, видели только в кино. Юсупов и Бекирров рисковали. Но не зря: уж если бывшие скотоводы добьются успеха, ни кого не останутся сомнений в пользе хозрасчета.

Бригаде прибавили земли — сто пятьдесят гектаров солончака. Что-то теперь покажут бекирровым?

Насиб, его жена и трое детей жили в крохотной глинянкой хибаре. Зимой там ходило, летом, как в бане. Одно мутное оконце, вмазанное в стену. Солнечный луч пролезал в него с трудом.

Насибников поселили в новых типовых домиках.

От хибара Насиба до участка километра два. Домики же стоят прямо на участке. Насиб выходит на работу первым, раньше солница. Новники с утра торгууют на базаре, на присудебных участках возятся. Как быть?

Самыми старыми среди новичков Расуль-ата. Борода — чистоты первого снега. Откроет рот — все замолчат: Расуль-ата — аксакал, старейшина, люди уважают его. У аксакала, Шарифа Расулаев, лев двадцати. Не акти какой трудяга. Но именно его Насиб называл «членом».

Расуль-ата первый. Шариф должен выходить на работу первым: засевший «членом», с него можно и потребовать. За это винят Расуль-ата: обижает положение сына, никуда не денешься. А вслед потянулись и остальные: никто не посмеет отставать от старейшин, это обычай. Так оно и вышло. Теперь никого не приходилось подстегивать.

Но неприятности не кончились. Один из трактористов бригады, Мамат Зайнин, однажды отказался работать.

«Не хотите, говорит, мой огород обрабатывать и я на вас не стану спину гнуть!» — обиженно Бекиррову поведение Мамата Шарифа Расулаев.

Хватит! Гнать таких из бригады! — решил Насиб, вскинув руку.

— Какой может быть огород, когда он корны не выплышил?

— Я и то говорю! — сказал Шариф.

«Нет, ничего с ним начинать!» — окончательно разошлись Насиб и попросили:

— Зови его сюда!

— А если не пойдет? — усомнился Шариф. — Принеси?

«Принеси его надо! Колючкой!» — мысленно подумал Насиб и улыбнулся.

Хорошо, сам к нему пойдем.

Они нашли Мамата за рулём трактора. Парень обиженно скрипнул губы и с неизвестным видом уселился на землю.

— Как покижает ваш огород? — насмешливо осведомился Насиб.

— Помирас, бедига, высок. Некому о нем позабыться! — в тон ему ответил Мамат.

— Так-так. А что ты сделал для бригады, чтобы мы заботились о твоем огороде? Ты

вот сейчас сидишь, а машина и земля тебя дожидаются...

— Пусть дожидаются! Мне о себе надо думать. Старый отец у меня, братишки маленькие...

— А участок? Разве чужой тебе?

— О нем пусть ваша голова болит. За это деньги получите...

— Бандиты, на меня стреляешься?

— А как? Вам идет на пользу!

Шариф со страхом поглядывал на Бекиррова. Так с бригадором говорили вчера. А Насиб улыбнулся. Простодушно так. И развел руками: мол, как это я раньше не додумалась. И сказал:

— Это верно, Мамат... — Помолчал, добывая: — А тут мучась третий год. Как все, конечно. И вот награда за труды! — Он кинул на новые типовые домики. — Хороши награды, а?

Ничего, жить можно, — хмуро ответил Мамат. — Но я не могу, куды клонят бригадор. Мамат-то один в один из этих домиков. — Так я могу уступить вам, если жить...

Ты уступишь, не сомневаюсь. А семья твоя — неизвестно. Старый отец, братишки маленькие, им, друг, нужно тепло. А какое у меня тепло, в моей хибаре, сад знаешь. Ты не подумай, что я покрекаю. Жизнь, пользуясь счастьем! А я и хочешь — сбирать маннаты и езжай, куда душа желает. Ни пропаде!

Мамат вскочил, бешено выколотил из штанов пыль. Вид решительный — вот пойдет сейчас, собирает «маннаты» — и — айда!

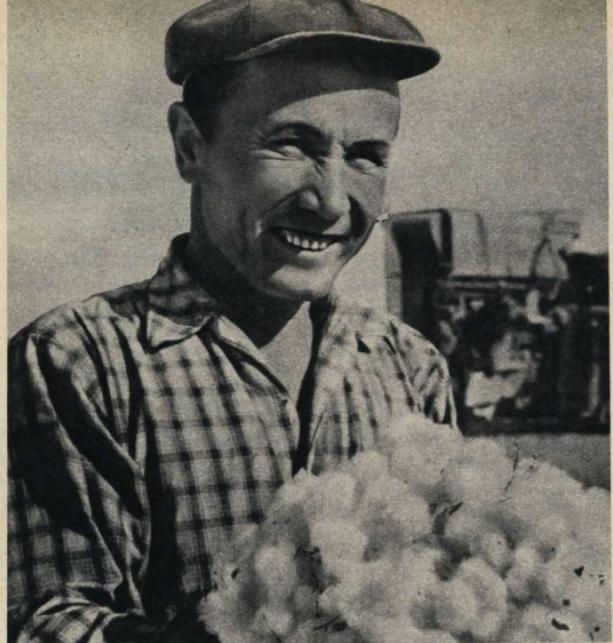
Насиб полез внимание. Шагнул к трактору, занес кнут, чтобы взобраться на него. Не тут-то было! Оттолкнув его, Мамат влез-тель на сиденье.

А потом паренек вывалился стеть механиком-водителем хлопкоуборочной машины, и не было у Насиба ученика прилежнее, чем Мамат...

«Ребенок падает, падает и подрастает». Знающими механизматорами стали Зайнин и третий тракторист бригады, Суин Назымкулов. Бывший ученик Ачил Рашидов и мысль возглавляет хозрасчетную бригаду в том самом сельхозтехникуме. Правда, Шариф Расуль-ата ушел от Бекиррова. Шариф Насиб недавно видел на базаре: большую зеленую гороховую дыню со своим присущим блеском. Но поймет Шариф, что ум на базаре не кипитца. Насиб в это верит крепко. Земля Шарифа, Хусан Жакимов тоже уезжал из «Балута». Где-то помнился и вернулся, трутится сейчас на совести...

Орден Ленина украсил грудь Насиба, лю-

ТАКОЙ ОНА СТАЛА ТЕПЕРЬ. И ЭТО НЕ ПРОСТО ДЕРЕВО — ЭТО ВЕРА.

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ — НАСИБ БЕКИРОВ.

да избрали его депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Бекировцы стали бригадой коммунистического труда.

Но в сельскому делу не сидится на месте. Насиб сам напроросился на новые заботы. В прошлом году бригада обрабатывала 250 гектаров солончака. Взявшись затратить 92 рубля на цехицер, собрать по 25 центнеров хлопка с гектара. И Насиб снова набрал новичков.

Весна 1960 года выдалась холодная, дождливая и ветер как с цепи сорвался. Едва перестает дождь, он подсушивает землю, стягивает ее плотной коркой. Лишенные воздуха, всходы хлопчатника задыхались. И трактористы задыхались: Эмин Сежмелов и другие дали им и почву разбрызгали в лицу. А горбатый? После каждого засева они сажали сажистов на учёбу, как грибы. Не было от них житья: ни всходы, которых сорняки грабили, ни люди, которые пропалывали посысы.

Тяжело было всему району. Поэтому «на-верху» решали провести различные подкормки растений. Но Насиб не торопился: сорняки следят удобрения, заглушают всходы. Он решил прежде уничтожить сорняки, чтобы удобрения попали по назначению.

Кое-кому из руководителей это не понравилось. Насиб на Бекирова, давай требовать: исполнитель, бригадир, зря рекомендовать не станут! Насиб не подумался. Поставили вопрос о Бекирове на пленмобор. Насиб и здесь наставляет на своем. Пригрозил исполнитель Бекирову: «Ты уйдешь, и мы с места. Его струги наказали».

Надо очень любить землю, чтобы подставить себя под удар, чтобы снести исправледливое наказание! Сами понимаете, нелегко это было. Насиб искал утешения в делах. Директор разрешила бригаде посадить на участке пять гектаров фруктового сада — бекировцы разбили шесть. Посадили аллею тополей по дороге к полевому стану. И сделали все-таки по-своему: сначала уничтожили сорняки, потом прорвали подкорку...

Земля ответила людям добром. Всходы удались на славу, развивались дружно — и у него в совхозе не было такого хлопчатника...

Сатирическое обозрение

Московская студия «Диафильм» выпустила к Фестивалю Центрального Комитета ВЛКСМ сатирическое обозрение ««Эх, булькинem!»». В этом номере мы печатаем не сколько диафильмов, сколько карикатур, нарисованных художниками Е. Гурьева, И. Сычева, С. Кузьмина, Е. Мигунова.

Вышний второй секретарь Пензенского обкома ВЛКСМ Бершак купил машину за 8 тысяч рублей списанную «Победу». На машине был обозначен логотип машины, нарисованный Е. Гурьевым. На парковке в московском гараже, перепродаил за 20 тысяч и купил еще одну машину.

ОТ «ПОВЕДЫ» К «ПОВЕДЕ».

Если вам доведется побывать в Полтавской области, обязательно забудьте к секретарию обкома комсомола Варваре Прониной. Она устроила настоящий кулинарный фестиваль по полтавски. Вот только в колхозах этих «кулинаров» и увидишь: они буяжные.

КРОЛИКИ ПО-ПОЛТАВСКИ

В колхозе «Новый Север», Ярославской области, для нормализации скота заставили палки и прутья. Узнав об этом, секретарь обкома ВЛКСМ том Попов заявил: «Я где-то читал, что коров можно кормить ветвями. Надо только ее измельчить».

ВСЕ СПАСЕНЬЕ В ДРЕВЕСИНЕ! ВЫХОД НАЙДЕН БЫЛ ПРОСТОЙ, И ПОШЛИ НА КОРМ СКОТИНЕ. ЕЛКИ-ПАЛКИ, ЛЕС ГУСТОЙ.

ДВА АКЫНДА

Б. ВАДЕЦКИЙ

Солнце падило. Жар проникал в юрту. Копировый полог не колебался, сверчок, поселившийся в комьях, не досаждал: с беззмятежной землю охваченное. Трава хирела на глазах, и стень казалась большим вздувшимся солончаком. Ощущение жестокости здешней жары, которой бывает в буране, когда песок бьет в лицо и скрипит на зубах...

Курмангазы вынула из сундука книжку, собираясь играть, и тут же спрятала обратно: дерево не переносило жары, звук терялся, струна гудела расслабленно.

В это время к юрте подъехали Ибрагим и Тарас Григорьевичи. Тополи коней отозвались легким гулением в пузатом глиняном кувшине в углу. И будто пахнуло заражением молока. Курмангазы подумала, что к седам всадникам приорочены будрошки с айваном. Он вышел, распахнув полог, и взглянул

в этот несущий передовое человечество торжественно отмечает столетие со дня смерти великого украинского поэта и художника, революционного демократа Тараса Григорьевича Шевченко, Ильи Шевченко, правдолюбца и борца за освобождение занавесленных народов царской России, первого всем простым людям...

Мы хотим представить читателям фрагмент из нового романа писателя Б. Вадецкого «Полинезучность», посвященного Т. Г. Шевченко. Роман выходит в издательстве «Советский писатель».

Рисунки А. Ерасова.

его упад на солдата, мешковато слезающего с седла. Ибрагим уже спешнисал.

— Ата,— сказал певцу киргиз голосом, звучавшим свежо и молодо.— Вот тот, кто на айтые¹ переборол всех!

Курмангазы молчала. Ему не придется спешить с расспросами.

Вскоре они сидели на кошме и пили кумыс, проходящий при зное.

Хозин достал его из-под земли, из углубления вырытого в середине пещеры. Исполосованные солдатские сапоги, и теперь они стояли у входа, стоять же, казалось, непрерывно относились к обходу, как все тут: груда одеял, кумыса, деревянный остов седла...

— Ахмы! Терези хочет знать о генерале,— пронзнес Ибрагим, склоняя певца к разговору.

— Долго рассказывают только, когда слагают песни,— ответил певец. Он еще притягивался к сол-

дату и вспоминал, что передавали о нем в степи.— Генерал Перовский не убия бы Исаатая², если бы он жил теперь. Вот что я скажу.

Ибрагим перевел Тарасу Григорьевичу его слова.

— А почему? — заинтересовалась Шевченко.— Что изменилось с теке пор?

— Не было у нас тогда русских, которые могли бы хорошо спрятать его. Теперь есть среди них друзей. Казаков-друзей не было. И сейчас их много. — И песни не было той, нужной, твоей. И я был слизь, зная мало.

Он говорил медленно, и Ибрагим не торопил его. Шевченко не возразил, хотя и напршивалось сказать: «Не побороть ведь царя, хотят бы и с... песней». Что бы ответила Курмангазы?

Певец закончил свою мысль неожиданно.

¹ Айтые (кирг.) — состязание певцов,

— И при царе можно жить,— сказал он,— только для этого нужно отобрать наших людей, младец к младцу, чтобы ни одного богача среди них не было! И уехать кочевать далеко. Туда, где Перовский не найдет. Хитро надо это делать. А там... песни и грамота будут, как школа в Оренбурге школа, которую для нас там открыли.

— А есть ли на земле такие места? — искренне усомнился Ибрагим.

— Есть.— Он назвал неизвестные Тарасу Григорьевичу стены за Аракским морем.— Надо свою кочевку иметь. Кочевка — это государство... Но люди еще не собирались. Да и старшего у нас нет.

— Ата, когда еще можно к тебе приехать? Наш друг хочет услышать от тебя песню о тех, кто жил на Араке. Он был там, и сам человек ученый.

— Зачем?

Этого Ибрагим объяснять не мог: он сам не до конца понимал, чего

хочет от стеников Шевченко. Он ненавидит промботов:

— Ему это интересно. Что я больше скажу?

— У горных — «Манас», у нас — свое... Память — это талант... Память иметь надо. Спать могу, кто помнит? Я знаю, и он знает спать, каждый о том, что модно, но. Но он пуст от царя, а я — о нашем генерале...

В галазах его пряталась усмешка, но голос звучал по-деловому сухо, с оттенком придирчивости, как на торах.

— Нужно ли так, это И он ведь не мастер мелодии, да и не певец.

— Он русский акын! — и мягче сказала: — Попроси его, показалось. Очень надо. В сороке лягут правду о царе знать. О горных, руках, воротах. Будем его слушать. Скажу, жу.

Избранным передала его просыпь Шевченко.

— Когда же? Для такого дела никто никого надоедить не отпустит. Трудно, хотя и заманчиво невероятно. Кто бы поверил?

— Он приглашает тебя в будущем году весной. Будеше рассказывать для них и для иных... Не отдохни. Надо тебе помочь доложить о твоих союзах немножко... Слушай, тебе принесли очень много ладий... А сейчас поедем, Терези. Старик ждет кого-то.

Курмангазы проводили их, спокойный, сиродеточный.

...Наступила весна следующего года, и Шевченко оказался в стели, там, где три года назад прошла его встреча на айтыме с Иргизом. Кошечки не оказались на месте; где некогда были разбиты кирпичи, на айтыме высокие травы были майской подсолнечной, солнечные банки играли в пестром разноцветье трав, и в их перелесах даже серый и тонкий ковыль, росший рядом с перистой и пышной мятой, казался нарядным. Суслики лисицы под ногами, и какой-то громкий, прерывистый звук, похожий на стекание орехов, доносился отовсюду: то ли арадасы перепела, невидимые разумом птицы, то ли птицы, чьи крики, как обугленный, пушмазаскала стеник кустарника, Шевченко присад, отгадалась: в бледно-голубом, словно выцветающим небе, рягали в отдалении оры, а внизу, над дальними, еще доступными зреини гребеними трав, маячила фигура всадника. Шевченко поднялся и шагнул к нему на встречу: видоем в стени веселее!

Встречный кирпичоказался стариком, седым, с костистым, в высыпаном лице, колпаком на голове и, что Шевченко увидел впервые, в узеньких, каких-то до смешного маленьких очках. Кирпич пристально посмотрел на солдата, показал рукой в сторону Орской крепости, что-то сказал. По-русски он не говорил. Потом он пустил коня шагом, и они вместе молча добрались до крепости.

Но кирпич не отъезжал, чего-то ждал.

Шевченко приподнялся из-под толстоманьи кирпича.

Тогда кирпич почтительно распросился стариком,

что ему надо, и сказала Тарасу Григорьевичу с удивлением:

— Бегут тебе! Право, если! И люди, кажется, около тебя становятся лучше. За что тебе такою почтой?

— О чём ты? Что ему нужно?

— Говорят, что знает тебя и радуется, что встретил... Когда-то мы были с тобой на айтыме в их

ауле, и спрашив от хозяина юрты сидел старик акын. Не вспомнишь его? Так вот, этот акын тебе за что-то полюбил и, умирая, в своем терике, в завещании по-ихнему, оставил тебе двенадцать баранов. Акын умер, а бараны эти к тебе до сих пор не пришли. Вот старик и радуется этому. Вот тебе здесь и можно доставить тебе этих баранов. Понял?

Кирпич следил за их разговором и одобрительно улыбался, глаза еле под узеньками, в железней оправе очками растроганные мигали, пика и высокий лисий колпак покачивались на ветру. Он отехал, обрадованный тем, что теперь удастся выполнить полностью то, что

Через несколько дней мальчики-киргизы принесли баранов. Толмач устроил комендантку об этом странном поджарке, скрыл о посещении Шевченко ауди. Мешков, не зная, усматривать ли в пощадке нечто предосудительное для ссыльного и докладывать ли все по начальству, вызвал Шевченко.

— Все с тобой такие несобызности! Баранов тебе дарят кирпичи, а от меня за версту стороны нет, что я могу? А эти, эти... пахомы нехороши? Какая-то несуразица, братец!

В своем удильщике он был забавен и беспомощен. Шевченко пришел ему на помощь.

— Прикажите пригласить их к общему потреблению, к казеному коню, выше высокоблагодаре, — сказал он, придерживаясь писарского языка.

— Ладно, прикажу, — скрывая удовольствие, сказал комендант, — но только отпусти мне: чем обязан этому уединенному кирпичу? Или он тебе?

— Ничем, выше высокоблагодаре, просто доброта его, у нас случаиное знакомство...

— Впрочем, кирпич умер — утешил себя комендант. — Теперь не дознаешься, Ну, а если тебе завтра верблода подарят?

— Кто подарит, тот и просится. Не всем же даритеся умрать в сороках!

Менекес захочет. Но, отпуская Шевченко, сказала строго:

— Ты только имей в виду, что если тебе еще раз даровать захотят, пусть мне шлют подарки, мие, своему коменданту, Понял? А благодарить я уж, как и быть, тебе пошло. И больше об этих проклятых баранах ни слова!

Шевченко смыслился вспомнить старика и винил немощную свою память, скрывшую от него подбородки дыи, проведенного в ауде, на айтыме.

Менекес спросил, равнину обдумывая историю с подбородком:

— Ты помнишь, каким покоряющим когда-нибудь был, знаешь хоть, как этого старика хоронили? А я знаю. Положили его, друг ту мой, на землю, лицом к Меже, в ноздри сунули по кусочку дыи и вывалили к покойнику старейшин из киши — решить, сколько ему лет. По возрасту у них и молитвы читают, а пока жига бы, не положено считать года...

Граф Тихий так скучно говорил, что Шевченко не стал слушать, ушел.

Он не мог знать о том, что произошло в ауде на поминках акына. Там исполосили копок¹ по умершему, каждый по-своему, и упо-

мили русского акына в своих песнях.

Песню о нем пою, о русском

солдате-аныне, Пленнике наших земель,

приговоры царя.

Пусть ему будет светло и радостно с нами остань.

И над кирпичом его пусть не заходит зари.

Каждый днинги, старый, малый,

Стремя придернит его и снаект,

что пел и сячч.

Хоть неученые мы, русские,

и знаем мы речи,

Может в судьбе своей адресе

опираться на нас!

...Приглашение Курмангазы не застало Тараса Григорьевича врасплох. Он знал, что по законы стеми говорят непререкаем. Помыслы кирпича настолько обобщили ему куда-то дальше к окну, у которого гнездятся птицы — и вспомнил, что комендант в это воскресенье должен отбыть из крепости на весь день.

Мглистый, сероватый рассвет, исполосованный розоватыми лучами, робко поднимался над степью, когда Шевченко выехал из Орска. Фуржажный обоз с «хлебным ухостью» — пухлыми чувалами, наполненными мякином и отваренными анчоусами — и отваренные анчоусы двигались ему навстречу. Шевченко решил остановиться, облезла ему чтобы не разговаривать с обозинами. В воздухе стояла, сменяясь с запахом известики — белыми казармами, — сырватый хлебный дух.

Листья камышин были по-весеннику остры, и, пересекая их заросли, он до крови покрипел ими руку. Всплеснувшись чирки приразмнуко метнулись, описав кривую в полете. Ветки джунглей подталкивали кирпича, который воротил голову, и перед ним вошли башкири в острогорскойвойской киши, с камня на плече, удиленной в удуочку: он удаи здесь руку и ждал гостя.

— Поеедем, — сказал он по-русски и вискало на коня сяди. — Много людей тебе, бачка, ждут.

— И ты ждешь? — спросил Шевченко.

— И я жду, — спокойно повторил башкир. — И я был в Пегтербурге.

— Кога же?

— Гоняли меня, бачка, туда. Барин прорада мальчишкой. Октет недоморот — барантач схватил. С базара увез... Мэл быль не бежал.

— Где же ты жил и что делал?

— Стодмы не видел, бачка, мое видел. Кронштадт. Год прошел... бежал... два года тепа тепа, дадаить... и прошло — все помно. Плохо было!

— Один бежал?

— Как можно одному? Втроем. Два русских Они из Самары, я альмы. Много видел: болшими господ, кухни, как огурцы солят... Присутствия, что доктора.

«Толмако-то и видал! Вот она, альская цивилизация, — подумал Шевченко, — подпортила человека. Где-то знать, в ботатом доме жила».

В тоже, когда-то называемый башкир, он увидел на улице изысканный конюшок, ткач, горожанин.

Желая объяснить, что в Петербурге ему все же не повезло, башкир не без горести сказал:

— А цара не видел, бачка, не видел!

И этим окончательно рассердил Тараса Григорьевича: «Эхин осад!»

Что с того, если бы и увидел за

полверстия от себя. А ведь больше

ничего ему не надо. Важно, видел!

Экая патриархальная тупость, и

зиждется она здесь на рабском проклонении перед старишами. А ведь не крепостные! Вот он — Восток!

— А ты видел, бачка, сышла? Он тебе знает? Он тебе наказал?

Устах его это звучало величайшим похвалой.

Шевченко измывал от его приступов за своей спиной, дергалась и мешала коню.

— Понятно так едешь! — спросил башкир, выдвинув из-за плеча голову. — Садись сяди, я на седло. Непривычный ты ко лошади. Шевченко отстранился, глядя на его лицо. «А тебе нравится?» — кипело в нем. Но промолчал и обрадовалась, когда показалась аул, плотно окруженный старинными Көнөвиль образами гласи. Большой кирпич, за которым на конях и в сабаках сидели гости еще в несколько кругов, замятые чинности осанки. Конюшкоя служили поткнутые в траву кони. На них кое-где развесились красные малахи, цветочные уздечки. В стороне темнели посеревшие от зимнего дама и кипла кири. И это только Шевченко заметил, что нос у башкира буристый, синеватый, явно отмороженный лицо иноязычия.

Что ты, бачка, сышти? — спросила он. — Зима была. Зимний нос. Жиром мужа, болит. Погоняя, бачка.

Тарас Григорьевич помогал

сойти с коня и привел в кирту, где ждал его Курмангазы.

Проша год, но ничего не переменилось в облике акына, между

тем, по слухам, жизнь его не была спокойной...

Та же самоутюбливая

ленность, странно сочетающаяся с вниманием ко всему, и к нему, Шевченко. Но с вниманием неторопливым, лишенным торопливости, таким, будто весь год он откуда-то наблюдал за солдатом и хорошо его знал. И в том, как он привлекал его сестру и налил кумыса, все было исполнено того доверия, которое не терпит пустой вежливости.

«Мы с тобой бесконечно малы—
пред миром и большим пред
людьми, пред тем, нам нечего
бы сказать, — и не умеем, и не
всегда будем помнить, что главное
в верно и точно почувствованном,
а не в суетном и быстро сказан-
ном. Тем более, многое лучше пре-
редается молчанием, чем са-
вром», — читал Шевченко в его дни
зажжения и во взлете. «Ты рус-
ский ахъ! — как бы продолжал
Киргизмызы, — и знешь жизнь
богатырь мечом, и знаешь счастье
и несчастье вселенной разве-
ности... Когда я пою свою песню, то я
играю, и, играя, позволяю себе
подчас ахъине: может, и большую
говарливость. Но с тобой хочу
бы строго, особенно вдвоем, и, конечно,
мне втихом оценке хочет-
ся знать русских ахъев...»

— Иордания нет.

Это значило: некому нам переводить, а я плохо говорю по-русски. Потом тихо обронил:

— Песню о тебе знаю... Ни о ком не было в степи такой песни.

Шевченко терпеливо молчал.

— Ты расскажи сегодня, Терези, о царе, а я... расскажу тебе о генерале.

Шевченко вспомнил, что именно на этом они окончили разговор в прошлом году.

Старик вдруг озорно усмехнулся и кого-то громко позвал. В юрту, слегка отдернув пожелтевшую от

кизячьего дыма кошму, скорее прополз, чем пролез, молодой, с добрым лицом киргиз. На боку у

нного висела сабля. Он оказался переводчиком. «Зачем ему сабля?» — хотел было спросить Шевченко, но тут же отступил.

ченко, но подумал, что, наверное, по негласному поручению собирающихся, переводчик — он же охранник. И кто он, этот переводчик, наверное, сын тюрец или купца?

смех, сказала:

— Курмангазы был у генерала Первого, на него чай, — сказала егостей и сложила «Марш Первого». Генерал слышал, как одел его похлы, и сам он на белом коне впереди них... Но куда же вам полки, почтенный Курмангазы? — спросил генерал, думая, что к Ак-Мечети воевали с кавказцами! А марши, переворачиваясь смехом, — марши призывающие надо идти на поиски правды... Аа, правды, которую надо искать, краиницы правды, ее надо ловить, как девушки, правды о нации супахах, о кашидации губернатора...

Курмангазы смеялся, прикрывая

¹ Тюре (кирг.)—чиновник-киргиз.

рукой рот, смеялся как-то по-детски, всхлипывая, но не теряя осанки.

Позже один из поляков, присутствовавших на этом приеме у Перовского, пробовал перевести Тарасу Григорьевичу строфы из этого «марша». По его словам, песня оправдание, которую должны настичь со своими полками Перовский, получалась в духе назидательной аллегории:

— А правда — она хитра,
Как месяц, бывает двулика,
Ее родная сестра
В народе нашем — музыка.

сказал Курмангазы, отпусив переводчика, и повел солдата к собравшимся.

Шевченко сделал, что обещал,— он рассказал о царе, вдовол на- смехаясь над дворцом с тысячью комнат, в которых царь бродит чо- порной тенью, над парадами, где маршируют, одерзевшие от усер- дия, недавние мужики, продаевые- мые, как псы, барином. Он посме- ялся над настороженным багрянцем

ялся над цареугодником-башкиром, приведшим его сюда, над здешними болями — дворцовыми горе-подражателями, и, переводя рассказ в сказку, начал о дальнем царстве.

и умственное, на то даются дары, где торжествует людское братство. В нем превыше всего товарищество, осуждена корысть, нет богатства. Подумал при этом, вспомни ульяновскую, укоря себя за неосторожность, — очень уж хотелось поколебать... если не трои, так каноны в воззвании степняков, — что перед Фурье ничем они не обязаны и волен рассовать на свой страх, каким должно быть это братство. И поможет ему сейчас опыт

восточных сказов. Пусть уж Курмангазы, переводя, приблизит сказку к свершению...

Вообще же чудесно все: и само это тихое сборище степняков в кругу, закрытом конями, одномастными, по обычаю, в попонах одного цвета, и Курмангазы, готовящийся переложить на кизке его речь, и весенний луг, и завеса кустов.

Под вечер Шевченко должен был уехать. Он скрылся незаметно, простившись с певцом и провожаемый тем же молодым пере-

Круг людей не разомкнулся, не поредел. Возле кирт над кострами висели котлы, и женщины перебегали от одного котла к другому. Шевченко увидел издали ее длинное, до пят, багровое на солнце платье. Казалось, что это какой-то возвинчивший в степь столб из света и песка.

Провожатый оставил Тараса Григорьевича на дороге в крепость.

— Спасибо! — сказала он, спрыгнув с коня и придерживая саблю с какой-то неловкостью — вместе с тем простодушной честностью. — Позвольте выслушать императора, — продолжал он, — я родился в семье бывшего капитана лейб-гвардии Непалского корпуса Мирзы Узенбашев. С удовольствием слушаю вас и рад, что отпрашиваю посетить родину... Хоту вас заверить: почтенный Кумаргизов переехал вас блестяще... Но, конечно, möchte. Чем бы не испытать... Вы застоптили, я сидел рядом, когда вы говорили, и переводил старичка. Так что есть и мой труд в сегодняшнем празднике.

卷之三

ПОСТУПЬ СПАРТАКИАДЫ

Фото Б. Довженко.

Второй год идет спартакиада по техническим видам спорта, которую комсомол и профсоюзная молодежь проводят совместно с ДОСААФ. На старты выходят тысячи спортивных групп.

Наиболее массовые — авиамодельные старты. Капризы только летательные аппараты не выпускают в воздухе конструкторы «малышей

авиации»! Здесь и комнатаные модели самолетов, вес которых зачастую измеряется долей грамма, и даже разделиваганты, имеющие размах крыльев более трех метров. Одни подобные птицы в воздухе на склонах холмов лягут на землю, другие — из-за места запуска. Другие летают по кругу на низкой, развязывая большую скорость и выпол-

няя фигуры высшего пилотажа. Третьи, находясь в воздухе, упираются при полете в различные предметы, раздавливаясь.

Немало радости приносят полеты миниатюрных самолетиков, сделанных из картона, пластика, бумаги, пленки. Это видят хотя бы на примере столичных спортсменов. Цифры говорят многое: в этом году на соревнованиях участвовали

нований спартакиады уже сделали разрядные нормы. Члены советского модельного клуба, космонавты Борис Шуринский и Александр Грушевский получили звания мастеров спорта.

Впереди финал спартакиады, и нему направлению готовятся в Аэроцентре. Но спорчайно столичные конструкторы первыми среди модельных групп получили звания мастеров спорта на зимние старты спартакиады.

— Аэродром Центрального аэроклуба СССР имени В. П. Чкалова. В зимний январьский день здесь показывают разнообразные модели первого чемпионата Москвы по моделям планеров. Самые распространенные модели, конечно, являются этот безмоторный аппарат. Он запускается и в воздухе, и со склонов, может держаться в воздухе продолжительное время, приподнявшись на пропеллерном движении километров. Но вместе с тем модель планера — одна из самых «чувствительных» и опасных. Поэтому спортсмен приносит спортомену многое горючий. В отличие от самолетов, летающих в индивидуальном классе по разнонормативным и парашютным моделям, планеры, как говорят спортсмены, «боятся» скрупульности. На зимней результат. Завоевано 800 очков из 1000. Аэродром Чкалова в Москве — Алоплону — Земному Юрию Соколову и Анастасии Астаховой.

Мастер спорта Юрий Соколову и Анастасии Астаховой были удостоены звания мастеров спорта.

Спортсмен Юрий Соколов весь устремлен на победу. Ну и погодите! Снегопады, вьюги, ураганы, сильные ветра, модели Соколова часто приходится «сталивать» на землю, а там летят в беспорядке. Главное сейчас — «высадить» планер в восходящее потоки воздуха, а там полет обеспечен.

Пока конструктор создает модель, дух творчества не покидает его. Он выходит на старт, — испытанию подвер-

гаются физическая закалка, стойкость, выносливость, воля и победа.

Воля к победе! Без нее нет спорта. Представляем спорта, подорванные Иных авария удачает. Но у Соколова нет надежды на удачу, он не боится потери энергии, и он берется до последнего.

Однако с ним произошел такой случай. Соколов приехал на соревнования с одной моделью. С первого же полета она разбита. А надо было совершил еще один полет. Соколов не успел ее разобрать, приехал на аэродром вторую модель. Опять неудача: сломалась и

этот модель. Но Соколов все-таки добился своего: модель разбилась под конец, вот новая из 900 возможных. Несмотря на зимний туман, Чкалово впервые СССР стал чемпионом Москвы.

Спортивные машиностроители завода мастер спорта Юрия Соколова увлекаются не только авиамоделизмом. Он любит и футбол.

«По зимнему спорту», говорит Соколов, — спорт трудовой. Гимнастику кто делает снарядами, кто — велосипедами, кто — теннисист, изготавливает ракетки. Авиационную модель, спортивную и страну сам спортсмен и страну и спорт здесь вместе. Прекрасное сочетание!

М. ЛЕБЕДИНСКИЙ

После выступления «Смены»

ЕЩЕ РАЗ О КАМСКИХ НЕУРЯДИЦАХ

«Камские неурядицы» — так называлась материал редакторской бригады журнала «Смена» и Пермской областной газеты «Молодая гвардия», опубликованный в номере за 1960 год.

Бригада в своем первом выпуске рассказала о краевом благотворительном пополнении для строительства и реконструкции Камского целлюлозно-бумажного комбината, одного из удалых комсомольских станиц.

Техники и рабочие, приступавшие настройку «Гипробум», страдали серьезными проблемами. Пермские соколы и Госстандарт ССР плохо заботились о снабжении возводящих-

ся объектов бетоном и металлом. Поэтому, сообщала бригада, строительство деревенско-массового завода, что удаляется в 15 километров от города, затянулось на три года. Авиапарк, центральные электроподстанции и других важных объектов непростительно затягивалась. Из-за отсутствия автозаводы не привозили машин, в которых испытывались большие нужды.

В материках отмечалось, что строителям Камского комбината необходимо активизировать поиски новых поставщиков — Пермского созиархоза и Госстандара РСФСР. Прошло несколько месяцев. Много воды утекло, но эти проблемы не решены, на стройке особых изменений не произошло.

Слабо прореагировали на критику в свой адрес руководители Камского комбината (председатель совета Головачев). Правда, сей-час для стройки стали видеться металла больше, чем прежде. Но тем не менее обещают все это исправить в ближайшее время.

Плохо до сих пор обстоят дела с авторемонтниками из Красноярска. Из Красноярска прибыла команда из Красноярского политехнического института, начальником которой был Балашов Германович.

Однако первая партия покинула Красноярск, и Печора бывает недолго. И это время, в котором в авторемонте испытывают острую нужду и самосвалы и автомобили.

Если Госстандарт РСФСР и Пермский созиархоз все же в какой-то степени откликнулись

на выступление журнала, то этого неизвестно сказать о коллегах ленинградского «Гипробумом» (директор — том Зарин). По-прежнему в чертежах проектировщиков ряд присечек и отверстий, которые не предусмотрены спецификациями. Причины: строители испытывают недостаток пропластики и бетонов.

Неподалеку от «Гипробума» Всес. считает наоборот. Вот один из примеров. Недавно закончили бетонировать бассейны в цехе упаковывания волокна. Стали монтировать снегоболотные лыжи на ворота обнаженных, чтобы не крепить пропластики, они не предусмотрены отверстиями для закладных частей. Причины: строители испытывают недостаток пропластики и бетонов.

Есть на стройке еще один интересный пример. Недавно закончили бетонирование Ботинского моря, уровень воды в Каме намного поднялся. Если в это время в бетоне забетонировать волокна, то фильтраторы, состоящие из пакетов из бетонных блоков, цех упаковывания и другие корпуса комбината, стоящие у самой реки, могут быть разрушены.

Необходимо уже сегодня очищать берега и укрепить их бетонными плитами. Однако руководители созиархоза, как и в первом случае, ничего сказать не могут. Следует, когда для этого будут выделены средства.

Задача — спасти «Гипробум». Проведен ряд совещаний, написано немало резолюций. Но на деле отношение к ударной комсомольской стройке почти не изменилось. Члены комитета комсомола соответствующих организаций сделают выводы из критических замечаний в свой адрес?

И чуть было не добавляет: «Пока никого дома нет».

Она и в самом деле разрешает им зайти только потому, что одна дома и надеется, что об отце никто не знает — мат не знает.

Ребята приходят оживленные, нарядные. Принесут Кире разноцветные шары и веточки только что распустившегося свои клейкие листочки тополя.

Кира растрагана. Ей хочется сделат для ребят что-то приятное, чтобы отблагодарить их за внимание, но она ничего не может придумать, кроме того, чтобы угостить их чаем. Выставляет на стол праздничные пироги, печенья и впервые чувствует себя в доме хозяйкой.

Шура и остальные оказывается очень общительными. Они знают уйму загадок и шуток, а Лара умеет смешно изображать всех учеников их класса. Кира довольна, что ребята зашли. Она всегда сторонилась их, она оказывается с ними так просто и хорошо. Только... только бы никто не пришел!

Вдруг они слышат отчелый стук в дверь. Кира замеряет. Стук повторяется громче. Кира сидит неподвижно и лихорадочно соображает, что делать? Открыты? А вдруг это отец?

— Стучат же! — недоумевает Петя Сысоев.

— Да, да, — растревожен соглашается Кира и не двигается с места.

— Так открою!

Ребята успевают переглянуться. Шура встает и делает шаг к прихожей.

— Нет! — ссырывает с места Кира. — Не надо! Мы не откроем! — и тянет Шуру обратно к столу.

В дверь продолжают стучать, и тогда Кира подступает возмущенный Петя Праничников.

— В чем дело? От кого ты скрываешься? Или... от кого ты хочешь спрятаться нас?

— Тише, — чутко не плачет Кира. — Потом... потом все объясню. Он сейчас уйдет. Подумает, что я на улице, и пойдет искать. У него нет ключа...

В дверь больше не стучат. Кира на цыпочки подходит к двери, заглядывает в замочную скважину.

— Ушли...

Все снова садятся за стол, но хорошие настроение больше не возвращается. Шура, прямая глаза, встает на за-стол.

— Спасибо, Я, пожалуй, пойду.

— И мы...

— И я тоже.

Никто из них не смотрит Кире в глаза, и она не смотрит. Она хочет теперь только одног: чтобы они покорнее ушли.

Кира медленно отворяет дверь и бледнеет. На лодыжке цветком облокотившись на перила стоит отец. Он не набрасывается на Киру, даже как будто не смотрит в ее сторону. Достает портсигар, не торопясь, закуривает.

Присмиревшие ребята гуськом выходят из квартиры. Отец, молча прокураскит их мимо себя.

Кира оставляет открытой дверь и бежит в комнату. Над праздничным столом, прикрепленные к рабочему, висят разноцветные шары... Около яблочного пирога, в стакане с водой — тройничная головка из веточек.

Не забывая, для чего она здесь делает, Кира рвет шары,ломает ветку, бросает сморщеные и разиненные тропинки, поклевченные листочки в ведро с мусором.

Убрать со стола она уже не успевает. Документы, папки, входят отец. Снимает в прихожей с глязами белую верхушку и, ни слова не говоря, избывает Киру до синих рубцов на теле.

Об этом случае становится известно сначала в доме, где живет Кира, затем в школе. Многие соседи, учитель, ребята из седьмого «Б» негодуют: настаивают на общественном суде.

Но есть и другие люди. В некоторых квартирах, в школьных коридорах, даже на дне винтовой лестницы идут шепотом грязные разговоры о том, что, мол, «нет дыма без огня», что «девчонка вообще странная и черт знает на каком способном, и что хотел не враг дочери, если бы не был».

Мать Лары Кроновой звонит по телефону:

— Передавайте мою dochу на другую парту. Я не позволяю, чтобы она сидела рядом с этой...

К Кириному отцу приходит отец Шуры Осипова — пенсионер, инвалид Отечественной вой-

ны — старший брат Пети Сысоева — доменщик с металлургического комбината. Он приходит взволнованный. Шура Пети Сысоевы родители они знают и величины им — они приходят защищать Киру! Но Кира отец, не желает с ними говорить. Он заявляет, что воспитание дочери — его личное дело и он никому не позволит вмешиваться. И что напрасно товарищ Осипов утруждал себя — поднимался на двух протезах на пятый этаж.

Кира всегда было трудно жить. А теперь жизнь ей невыносимой. Ее всегда окружал холодок человеческого равнодушия. Ни люди в этом виноваты, нет! Они сама и ее родители. Теперь же ее окружает холодное, coldo нездеверие, ненависть, презрение. Оно все, кроме ее, воспринимает как разорвать ее непримиримые связи с жизнью — у нее появился товарищ.

Лера Крюкова, которая, вопросы требований матери, продолжает сидеть за одной партой с Кирой, Шурой Осиповой, Петей Сысоевым, Петей Праничниковым, классный руководитель Клавдия Петровна, председатель совета пионерской дружиной Миша Борзовьев. Но и им всем не под силу разорвать это отвратительное колыцо, скотинское из сплетен и мещанских пересудов. Оно может задушить... Оно уже душит Киру!

В кабинете директора происходит следующий разговор.

— Стой со мной откровенна, — просит директор. — Расскажи, что вы делали, запершись в квартире.

— Пили чай, — отвечает измученная, осунувшаяся за последние дни Кира.

— А еще?

— Загадывали загадки.

— А еще?

— Рассказывали веселые истории.

Кира тяжело вздыхает и облизывает пересохшие губы. Директор пристает за своим широким столом, поддается к Кире всем корпусом и шепотом спрашивает:

— А еще?

Кира покидающим взглядом на директора глаза, полные мольбы и слез:

— Больше ничего.

Директор усаживает Киру в кресло и все тем же идиотским шепотом говорит:

— Ну, — признается. — Ну, не скрывай от меня. Ты там с мальчиками... целовались?

Нервы Клавдии Петровны не выдерживают.

— Послушайтесь! — она встает между директором и Кирой — Перестаньте!

— Вы можете идти, — сухо бросает директор Кира и урожаже поворачивается к Клавдии Петровне.

— Я все осталась.

Кира с треском переключает гардеробную лампу и выходит из кабинета. Голова болит. От таких и горьких дум, от бессонных ночей. А ведь, кроме этого свалившегося на нее позора и несчастья, еще перед ней идут экзамены, и она к ним совсем не готова. И не может готовиться. Потому что теперь отметки не имеют для нее никакого значения. И в школу больше приходить нет сил. Особенно после этого разговора с директором...

Этот человек очень неприятен ей. И шепот его, проникновенный и пошлый, словно застриял в горле и не бес и конца повторяет это противно ее «вещей».

И сегодня он обидел ее меньше, чем обидели отец и мать. Он спрашивал... Он раздражал с ней. А та даже ничего не спросила.

Но держать экзамены все-таки приходится. Кира чудом получает тройки и сейчас же берет из школы документы. Директор с радостной последностью отдает их ей.

Новый учебный год Кира начинает в восемнадцатом классе школы рабочей молодежи. Поступает с трудом, сорвав, что уже устроилась на работу и через две недели, как только приступил к исполнению своих обязанностей, принесет справку.

Ее везут, потому что о справке забывают и никого больше не интересуются: кто она, Кира Ц., чем занимается, как живет.

Родители даже довольны, что она в вечерней школе. Всего четыре дня в неделю. И никаких занятий, кроме как вспомогательных! Значит, Кира легко контролировать. Днем она загружена домашней работой. Уборка квартиры, стирка, глажение, покупка продуктов — все это теперь лежит на ней, потому что мать отец утруждал себя — поднимался на двух протезах на пятый этаж.

Всегда очень страдала оттого, что приходится работать, но отец ни позволял ей работать: «Ну и воспользоваться день, и нечего там перед мужиками хвостом врать». Кира разрешается выходить в школу, которая совсем рядом с домом, за пять — десять минут до звонка и возвращаться не позднее как через пять — десять минут после конца занятий. Чтобы Кира не слишком медленно шла от дома к школе и обратно, чтобы не останавливала на улице с кем-нибудь поболтать, в любое время года ее отпускают только без пальто.

С точки зрения родителей, их dochь почти застрахована от «వредных влияний». Вся жизнь ее виду. Все ее дела, ее интересы, ее друзья, с которыми она общается, и сама Кира — это друзья. Она многое поняла, во многом согласилась с отцом, раскраснена в своих прежних поступках, перестала упрекать родителей за то, что они любят отождествляют ее от жизни.

Но это всего лишь точка зрения родителей. И Кира ее отнюдь не разделяет. У нее теперь двойная жизнь. Одна — для родителей. Другая — для себя.

С чего все это началось?

П аэропорт уже получил. Тайком от родителей Кира пытается попасть на работу. Она не знает, что делать, как быть. Она не знает, кому, но там нужны лишь специалисты.

Пробует устроиться сортирующейся линией, но на почту принимают только со средним образованием. Она разыскивает один из отделов кадров трактира «Тагильстрой». Там записывают ее адрес и обещают в ближайшие дни вызвать для оформления на работу.

Кира ждет. Она уже мечтает, как станет работать в бригаде каменщиков или бетонщиков, будет носить рабочий комбинезон, обедать в столовой, возвращаться после смены в шумной, веселой компании девчат. Родители не смогут помешать ей, потому что паспорта Кира уже будет стоить краину. Штампом, который стоит краину, возмущается попробует поднять на нее руку, тогда Кира попопрится в общественное и совсем уйдет из дома. Совсем.

Но на пятый день в доме возникает скандал. Почтальон, поднимавший по лестнице, встречает Кирину мать и отдает ей открытку. Переутюженная пакет показывает открытку отцу, и тот набрасывается на Киру. Он кричит, ругается, хлещет ее по щекам, упрекает в черной неблагодарности, подозревает в каких-то грязных намерениях. «Не будет этого, не позволю!» Он с остервенением рвет открытку, а с нею и все Кира.

Чуть-чуть приоткрывшаясь было дверь зазывает ее намерто.

«Какие есть еще способы вырваться на свободу? — в отчаянии думает Кира. — Вот если бы выйти замуж!»

Он прятает паспорт в шкатулку и забывает о нем: желанный документ перестает ей казаться символом свободы и самостоятельности.

...В Серове у родственников, к которым Кирину семья приезжает на откладский праздник, появляется неожиданный гость, товарищ сына хозяйки. Он тотчас же привозит ванильную Кире. Бдительные родители не видят этого «ингородского» юноши угрожающим своему ребенку и поэтому не беспокоят его. Кирину любят, и поэтому она не боится сидеть рядом с отцом. Они не зоркают и против того, что юноша прятывает Киру танцевать. Кира не умеет, но все-таки выходит в круг и терпеливо пробует научиться. Они смеются, обмениваются самыми незначительными фразами.

К концу вечера Кира знает юношу только то, что он скоро зарабатывает институт и что имя его Олег.

— Знаете что, давайте перепишись, — говорит юноша. — Говорящими предлагаю Кира, но тут же спохватывается: — О, нет...

Они искоса поглядывают на отца и представляют себе, что будет дома, если в один прекрасный день отец обнаружит в почтовом ящике письмо от Олега...

Девушка находит выход:

— Всем «до востребования» пишите. Обязательно!

0 лего отправлено уже восемь писем, а ответа — ни на одно. Кира нервничает. Она теперь все время думает о Олеге. Со всеми подробностями вспоминает их коротенький, ничего не значащий разговор. Олег видится ей красивым и мужественным, очень похожим на известного артиста кино.

Наконец-то Кира дождалась ответа! И хотя письмо «самое обыкновенное», не такое, какого ждала Кира, хотя нет в нем ни объяснения в любви, ни намека на приезд Олега в Тагил, девушка считает, что в ее жизни произошло значительное событие. Она теперь не совсем одинока.

Ее письма к Олегу постепенно становятся все более откровенными. Ею отвечает — чаще и эмоционально. Кира учится, что они любят друг друга, только стесняются признаться в этом. Она с нетерпением ждет признания от Олега, и, не дождавшись, первая пишет ему о своей любви. Олег в ответ пишет почему-то о дружбе, о том что прочитанной книге и как бы между прочим сообщает, что среди различных назначений, имеющихся для выпускников его факультета, есть и назначение в Нижний Тагил.

И он приезжает. Совершенно неожиданно и оконченно «до востребования» Кира подают письмо. Оно очень короткое. Весь два страницы.

Дорогая Кира! Я приехал. Вечером буду ждать тебя около школы. Олега.

Весь день проходит в сиянении. Кира вдруг становится очень нелюдь за свои нежные письма и объяснения в любви. Что она ему сейчас скажет? Что в таких случаях полагается говорить?

Около школы стоят несколько человек, но Олега среди них нет. В вестибюле его тоже нет. Кира немного успокаивается. Это даже лучше. Она успевает обдумать, внутренне подготовиться к встрече...

И вдруг она увидела Олега! Он стоит в дверях, оглядывает класс, ищет глазами Киру.

Покраснев от смущения, Кира смеется к нему.

— Здравствуйте, — говорит она с сарказмом,

Олег, я же у вас думал, на найдете вас.

Они выходят из коридора. Дергатесь друг с другом неловко, натянуто. В коридоре, возле класса, много парней. Они с чисто оживленно говорят и громко смеются. Кира невольно обращает на них внимание.

Ребята как на подбор: высокие, интересные. Олег по сравнению с ними маленький, щедущий, бесцветный.

«Он вовсе не красивый! — делает для себя открытие Кира. — А тогда, в гостях, казался совсем другим...»

— Я попала около школы, стояла, — признается Олег. — Так же и вы увидели.

— Мы тоже были увидены в другой! — делает Кира второе открытие и тоже признается: Я же не увидела. Смотрела, смотрела...

— Я в зеленой шляпе была, — с нахаждкой поясняет Олег.

— Шляпу я заметила.

Шум голосов в коридоре разрезает промозглый школьный звонок, и Олег торопливо сбегает:

— Я буду работать здесь, в строительном тресте, а жить в общежитии.

Кира делает третье открытие: она, оказывается, совсем не рада и этому сообщению.

Ах, как все плохо, как плохо! Вот и руки заняты, построенный в ее мечтах! Она хотела только одного: вырваться из душной квартиры родителей, жить самостоятельно! Суждено...

Кира закрывает глаза, пытается представить себе это лицо и не может. Не знает даже, как на него глязать!

Она засыпает с намерением рассказать завтра Олегу всю правду, извиниться, признаться, что обманула его и что никакой любви нет. Она сама выдумала себе любовь. И Олега тоже... выдумала.

Утро начинается строгим вопросом отца:

— Где твой паспорт?

— В шкатулке, — холодают Кира и лихорадочно соображают: «А где же письма?»

— Брешь в кармане пальто.

«Письма под матрацем», — вспоминает Кира и успокаивается.

— Для чего носишь с собой паспорт? — доносится отец. — В булоин предъявляешь?

— В библиотеке была перерегистрация чита-

телей, — хладнокровно врет Кира. — Больше он мне не нужен. Можешь спрятать.

Отец кладет Кирин паспорт в бумажник и уходит. А она констатирует факт: отец проверяет ее карманы. Но ведь ей не десять, не двенадцать, а ей восемнадцатый год!

И опять кружатся, заплетаются в голове горькие мысли, опять единственная надежда на спасение становится Олег. Даже такой: незамятый, мучной, нелюбимый. Нет, Кира неизвестный перед ней, не откроет ими правды.

Со следующей встречи она начинает разыгрывать влюбленную. Притворяется соскучившейся, когда долго не видят Олега. А на одном из дней первая целует его.

Когда говорит Олегу, что любит его, и теперь ей очень хочется услышать от Олега ответное признание.

— Знаешь, — Олег говорит задумчиво, будто самому себе. — Я тебе очень хорошо отношусь. Особенно как-то... Каждую минуту хочу видеть тебя. Каждую минуту думаю о тебе. Но не знаю... Ты только не обижайся! Не знаю, люблю тебя или нет.

Кира молчит. Ей опять становится грустно и одиноко.

— Ты не слушаешь! — громко спрашивает Олег и прерывает ее раздумье: — Так я буду ждать тебя вечером... У школы.

И улыбается Кира, добре, теплой улыбкой.

— **Н**у вот, — виновато вздохнула Кира. — Не получился никакого рассказа. Просто вспомнила некоторые случаи из своей жизни. Вы знаете, я почему-то всегда именую эти случаи вспоминая. А так хочется их забыть. Она нескрываемо засмеялась и побежала: — Скоро забуду. Весной. Когда замуж выйду.

— За кого? — осторожно поинтересовалась я. — За Олега, конечно. Иначе для чего же все это?

Она была открытона, и эта ее откровенность даже пугала. Так мог говорить уставший, много повидавший на своем веку человек.

Кира будто угадала мои мысли.

— У меня такое ощущение, — сказала она, — будто я жила долго-долго, будто мне много лет.

С ней можно было говорить не остерожничая, и я спросила:

— Ты Олега любишь?

— Нет, — легко ответила она. — Я даже на-шего преподавателя геометрии люблю больше.

Этот ответ обезоружил меня. «Долго-долго» проживший человек остался еще ребенком.

Можно было взять Киру за руку и пойти с ней в райкомсовет. Рассказать там все как есть, попрощать. «Помощь на работе, на работе, на районном комсомольском конвенте».

Можно было встретиться с ее родителями и обвинить их в содеянном преступлении. Наконец, можно было поговорить с Олегом...

Но, мне думалось, не надо водить ее за руку, говорить о ней и решать за нее. Очень важно, чтобы Кира сделала первый свой правильный шаг в жизни сама. Чтобы она захотела его сделати! Тем более что я приходила голову верные решения: она ведь пыталась пойти работать...

Я познакомила Киру с моей соседкой по номеру, заслуженной учительницей республики, Старшиной комитета Анатольевной Ветчиной. Старшиной, которая горячее участие в судьбе Кирьи, Умы, маленькой, опытной в педагогической науке, Елены Анатольевны сумела расположить к себе девушку.

Теперь мы уже втроем пили чай, ходили по городу, говорили о любви, дружбе, об одиночестве, о коллективе, о труде, о цели в жизни. И не мы заводили эти разговоры, а сами Кира. Она говорила, слушала и спорила с нами жаждой, отчаянием. Тайком от родителей прибегала к нам в номер и оглашала какими-нибудь невообразимыми, давно уже всеми решенными вопросами.

— Есть счастливые люди или они только притворяются счастливыми? — спрашивала она с порога и требовала доказать, что счастливые люди есть.

Слушала нас с недоверием, не соглашалась, отставляла свою мысль.

— А вот я несчастливая! — вызывающе заявляла она. — И мама моя несчастливая, И отец И, если хотите знать, Олег тоже несчастливый. Может быть, он не знает об этом, а я знаю!

В другой раз она начисто отвергла любовь, потом ставила под сомнение бескорыстие дружбы.

Мы старались познакомить Киру с интересными людьми. Елена Анатольевна брала ее с собой на встречи со своими бывшими учениками, из которых один — столяр, другой — врач, третий — биолог, четвертый — воспитательница в детском саду. Мне удалось провести ее на завод, а потом — на крупную строительную площадку. Идея на стройке, она сквозила:

Рядом с булоиной стройки дом. Прямо на его стенах стоят красные таблички с надписью: «Здесь работает бригада, борющаяся за звание бригады коммунистического труда». Стена поднимается выше, и таблички перевешиваются выше. Что это за бригады такие? Раскажите.

Признаюсь, я подумала, что она шутит. Но Кира спрашивала всерьез. Она слышала об этом движении мелким и ничего толком не знала. Да и откуда знать? Газет она не читает, по радио слушает только музыку, в семье о таких событиях не говорят, а в школе, может, и говорят, но не с ней.

Однажды, не застав меня в гостинице, Кира позвонила в райком, отыскала Тамаза, сказала, что нечестно ее избрали Елену Анатольевну, а потом очень неуважительно спросила:

— А можно мне за вами зайти? Там, в райкоме, комсомольского билета не спрашивают? Можно?

Зашла. Робко оглядела комсомольских рабочников, села на диван, прислушалась к разговорам.

Рядом, у окна, секретарь наставляла инструктора:

— Ты этого паренька из виду не выпускай. Если работа придется не по душе, другую подбирай. И общежитие там устрои. Не забывай, что к нам за помощью пришел.

Потом ушла, — инструктор. — Общежитию ему устроили. Консорт цеха добился.

И, завидев в дверях только что вошедшую девушку, кинулся к ней:

— Айя! Но взносам когда отчитываться будешь?

— Не диха, — отмахнулась Айя. — У меня все в порядке, не беспокойся. Скажи лучше: ты видел когда-нибудь счастливого, счастливого человека?

Кира удивленно покосилась на девушку.

— Ну, видел, — насторожился инструктор. — А что?

— Еще посмотрел. Я сегодня самая счастливая из всех, — заявила.

Ты всегда счастливая, — добродушно заметил инструктор.

— А сегодня особенно. Предложение-то на автоматическую линию переводить будем!

— Да куды! — радостно всплеснул руками инструктор. — Так же же ты стоишь? Пойдем, всем расскажем...

Кира поднялась с дивана, и мы ушли.

Я была почти уверена, что теперь она решится притянуть в райком. Быть может, не сегодня, не завтра, но через неделю, но придет обязательно.

Я почувствовала, что больше не нужна Кира. Ей нужны теперь — ей просто необходимы — работы из райкома и счастливая девушка с металлургическим комбинатом.

Я уехала. С тех пор я получила от Кирьи одно за другим два ничего не значащих письма. А потом раздался междугородний звонок.

— Я поступаю на работу! — радостно пропищала Кира. — Сейчас иду получать пропуск на завод!

Ну, что ж, пусть этот заводской пропуск станет для тебя Кира, Кира, пропуск в большую жизнь. В ней тоже есть, скажу тебе, красивые замки. Выстроены они из железнобетона — очень надежного материала, и поэтому не рушатся от малейшего дуновения.

Ну, есть же в этой настоящей жизни высокая, достойная гордое, патристическое, испытанный и верный дух — это коллектив. Он пропитает тебе большую рабочую руку, и ты никогда не будешь одинока. Слышишь, Кира?

Во имя людей

I

О жизни мой!
Я слова выпел
В далекий путь,
В неизвестный путь.
Позовол в глаза тебе взглянуть,
Позволь мне ветер твой
вдохнуть —

Я стану
Лучше, краше, выше!
О жизни,
Ты гений мой и зодчий,
Твоими дарами влеком,
Иду в рассвет я бирюзовый.
И, становясь сияльной и зорче,
Я сердцем чувствую
Сурьи
И непреложный
Твой закон
Быть честным, чистым,
справедливым —
Закон прекрасен
И высок.
Как море в камень
В час призыва,
Упруго кровь
Стучит в висок.

II

Ложусь усталый,
Прида с работы.
Сухими устами
Мне нещегот кто-то.
Ах, это слова,
Ах, пыле тоже
Сурьиная совесть
Мени тревожит;
Большими глазами
Глядит с упреком.
Она, как мама,
Добрая и жестока.
— Ну как там, парень,
Сладко ли, горько?
А с кем ты, парень,
Бродил по городу?
Кого ты видел
Ездил и рядом?
Кого обидел,
Кого обрадовал?
...Не скрыть мне истину,
Не запереться.
Быть надо искренним
Душой и сердцем.

Пред советством истины
Начем не заслонится.
О эта искренность,
Моя бесконична!

III

Гляжу в потолок,
Как в потолото
Немого кино.
Событий поток,
Свет и темь,
Неповторимо —
Немо и зрямо
Вставет
прошедший
день.
Что было дерзнем
Минувшего дня,
Бессонно терзает
Сомнением меня:

— А было я дело
Под стать словам?
А черное белым
Не называл?
А ложиною злобою
Не кинул?
Плохую и добрую
Песни спел?
Может быть...
А может быть,
Недаруя празднично
Руку жал,
А другу — «здравствуйте»
Не сказал...

IV

Мы, внуки великих и зловных
восстаний,
Несем Октябрь эзаремый стиг.
Мы — сыновья добровольцев
Испании
И пехотинцев, испанергих
рейхстаг.
И я — современник Великого Века,
Ровесник громадных событий и
вех.
Грохочет,
Вбивая в историю вехи,
Грозный и мудрый
Двадцатый век.
...В сиянье Мира,
В города гул
Я попире
Окно распахнул.

Туго звенят
Лучей ключи.
Мени слепят
Эти лучи.

V

Шагайте, строки и рифмы,
В мир,
Где сердец бой —
Словно о рифы
Прибой,
В город,
Где жизнь ключом бьет,
Где народ,
Простой и гордый,
Стропт,
Творят,
Поет.
В город —
В солнечный храм,
На встречу горям,
На встречу горным
Ветрам.
На встречу днам
Грозовым
И песням,
Земным огням
И склактам честным,
На встречу веку —
Бурям любым
И человеку,
Что мной любим,
На встречу зною
Любой высоты.
Сегодня со мною,
Молодость ты,
Пока ты в зенте,
Пока ты в огне,
Песня и радость, звените
Во мне.

VI

О мае с дождями,
Об урожае
Греют хлебороб.
Рабочий —
О прочных деталях.
О фантастических зданиях —
Зодчий.
Чтоб о прошедшем дне
Не жалеть,
Хотелось бы мне
Лучистую песню
Спеть —
Во имя Свободы
Столетий грядущих,
Во имя народов,
За нации идущих,
Во имя людей
Всех широт
И стран,
Во имя весны твоей,
Дагестан!

VII

...Твоими дарами влеком,
Иду в рассвет я бирюзовый.
И сердцем чувствую
Сурьи
И непреложный
Твой закон:
Быть честным
И душою сильным,
Или вперед —
И в дождь,
И в снег,
И быть не пасынком,
А сыном
Тебе,
Двадцатый,
Грозный век.

Перевел с аварского
Анатолий Заяц.

Лев ФИЛАТОВ

Эти заметки о прошлом футбольном сезоне. В них не подаются никакие конкретные результаты достижения и неудач. Перед вами впечатления спортивного журналиста. Мы предлагаем вам не забывать о тех дней напаняне подъема флага отмененного сезона. Надеемся, что они поднимут дух любителей спорта «Футбольное настроение». Ведь нам с вами историю пишут не только первенства, но и первенство отборочных игры VII футбольного чемпионата мира.

Для меня прошлый футбольный сезон начался в середине марта. Такси вертелось по петлям приморского щоссе. Кругом — неоглядная голубизна. Не знать, что ли море цвета неба. И все эти синевы.

А поздва два с половиной часа полета на «Ил-18» и завьюженный, слизкий Внуковский аэропорт. Об этом продолжительность помнить и не спешить снять перстянную шарф. А когда встречаешь знакомого, А когда встречаешь знакомого, А когда встречаешь знакомого определяет:

Из Москвы? Сомневаешься.
Этот вопрос, который озадачил Михаила Иосифовича Якушин, старший тренер московского «Динамо». Собственно, и не нужно, в Гагру, и я держал путь...
...Мы сидим на скамье во дворе санатория. По соседству «режутся» в пинг-понг. Федосов и Крикеневский. Судит Беляев. Ждут очереди Рыжикова и Рыжикова. С этими знакомиться не приходится.

— А тот здоровяк, блондин, кто это?
— Глотов. Защитник...
— А рядом с ним?
— Николаев. «Динамит»...
Зная наперед, что не получу ответа, не могу все же удер-
жаться:

«ЯВНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО»

Фотоэтюд Г. Болотова.

ВСЛЕД ЗА МЯЧОМ

Пять поездок спортивного журналиста

— Как они?

— Поживем — увидим.

Все тренеры осторожны в оценках. Самый осторожный — Якушин. Помни, весной 1956 года и смотрел матч динамовцев дублеров в Клинцине. Мне показалась правильная защищина, высокий, хорошо сложенный. Сказал об этом Якушину. А он руко махнул да так, словно я ему звезду лишил. Недели через две этот защищитель — Владимир Кесарев — показался в основном составе. Когда я припомнил этот эпизод Якушину, он изорвал улыбнулся, сонную один глаза:

— Ну, было... Не люблю опережать события. У игрока свой час выйти на поле. Что Кесарев замягчил, ясно либо... Но...

Скорее всего именно потому, что Якушин свои мысли отмеживает, как алтекарь, с ним хоть не просто, но всегда интересно беседовать. Якушин — особый силен в деталях, в частностих, в которых он любит проникнуться духом игры. Он знает, каким образом надо подсказывать, как играть против определенного противника, в чем пронять находчивость, какие приемы уместны. Слушая эти напутствия, ты уже видишь московского «Динамо». Видишь команду, которая, как никакая другая, умеет накалять соперников за малейший промах, умеет удивить и использовать даже мгновение из замешательства. Словом, команду, которую если можно, перенести, то и обогнать в гонке.

...Фанаты в глубине двора. Здесь живут футболисты. Чистенькая, санитарная комната. Три кровати по стенам. Посередине стоя. За ним сидят начальник команды Е. Фокин и тренер Блинков. Заполняется так называемая документа-

ция: планы, конспекты занятий, карточки индивидуальных заданий... Признаться, несколько чудно видеть преподавателей футбола, часами гнущих спину над конторскими книгами, с пальцами, замарашанными чернилами.

Листа альбом газетных вырезок: здесь отрывки печати о матче. Письма, присланные издали. Красным карандашом подчеркнуты не комплименты, а критические замечания. Блинков останавливает мою руку и указывает на статью одного моего коллеги по перу.

— Интересно, за какую команду он болеет?

Вечный вопрос. А отвечать на него не приято. Это своеобразная профессиональная тайна. Мы, пишущие о футболе, гордимся, что пишем о футболе, знаем, скрываем, слабости других. Но еще лучше знать, что этим наименем слабостям мы позволяем вырваться на свободу разве что в устном виде и никогда в письменном. Если кто-то из нас дерзнет быть открыто пристрастным на бумаге, то, уверю вас, первыми откажут ему в уважении спортивных журналистов. Так уж сложилось: оставаясь болельщиками (без этого как же футболь!), мы пишем всего дороже объективностью. В нашей команде, не более преувеличительного слова, чем «вот белозапятое выступление...»

Недавно я получил письмо от одного старого болельщика, который принес к вы狱у, что я держу сторону той же команды, что и он, а вот такой-то журналист, негодник, болеет за другую команду и «нашей» не дает проходу. Любопытно, что описано он

на 180 градусов. Мы с «таким-то» читали это письмо не без гордости.

Конечно, не ответил Блинков. Сказал, что не знаю. Он мне, вероятно, не поверил, и виду не подал. У тренеров немало своих секретов. Они мастера умолчаний и искусные говорящие фразы, вроде «мячи круглые». Так что мы просто были с ним единомышленниками.

Из вороха бумаг, разложенных на столе, достал годовой план занятий команды. Документ интересный разве что специалистам. Но первые строки так и просятся в блокнот. Вот они:

«Футболисты московского «Динамо» верны девизам:

Имя и честь команды обязывают.

Коллектив — лучший твой товарищ.

Дисциплина — залог победы. Стойкость побеждает трудности.

Сила команды — в инициативе и трудеолюбии».

За эти девизами, сочиненными не без влияния суворовских изречений, стоит 36-летняя история славного футбольного коллектива. И я думаю о том, как правильно, что во главе немногих молодых динамовцев стоят динамовцы старые. Фокин в воротах, Якушин в нападении, заслуженный комманде «Динамо» право весной 1956 года «победой» стать под знамя чемпионов страны. Полузашитник Блинков был в составе этой команды уже в 1940 году, когда она победила в третий раз.

Однажды Якушин разоткровенился:

— Мы девять раз чемпионы, а спартаковцы — семь. Нам бы еще разочек выиграть, тогда бы

можжно не волноваться, что дого- ниют...

Такая арифметика может привести в голову лишь динамовцу до мозга костей.

В московских «Спартаке» и «Торпедо» у руля тоже свои ве-ты и ве-ты. И эта новая связь времена создает не только романтику традиций, но и вполне реальную настроенностей побежденных.

В этих записках мне не пред- ставится возможности вернуться к динамовцам. Поэтому вынужден забежать вперед.

Один мой друг — тоже журналист — любит повторять: «Прогноз в футболе — запрещенный прием». Это верно лишь наполовину. Пытаться угадать счет завтрашнего матча — занятие бессмыслицей. Но если вовлечены болельщики тех стран, где существует футбольный тотализатор. Как мне рассказывали журналистики из Сорбии, они не помнят случаев, чтобы знатоку футбола по- ведал в этой игре.

Иное дело — прогноз долговре- менный. Что стоит наблюдения, если они не ведут к выводам? Посмотрев контрольные матчи на юге, я писал о радужных перспективах автозаводцев, киевлян, ростовчан и ставил под сомнение шансов «Спартака» и «Локо- мотива». Практически было оказаться правым, хотя, честно говоря, для такого прогноза не нужно было ждать.

Но вот с московским «Динамо» я попал в затруднительное по-ложение. На юге команда не ви- шала опасений, и в начале апре-ля я уверенено разумировал в «Советском спорте»: «Поды ре- шимости отстановать свое звание динамовцы. Сомневаться в пра- вомерности их притязаний не приходится: коллектива, как

НЕЛЕТНЯЯ ПОГОДА

Борис ХОТИМСКИЙ

РАССКАЗ

Нам повезло. Несмотря на густой туман, наш самолет благополучно прискользнул на каком-то аэродроме.

Мы летели в один из городов Европы на международный конкурс. Погода испортилась так виновато... И вот вынужденная посадка. Нас разместили в благоустроенным стеле. Монс со сдаем по номеру оказался скрипачем. Больше похожий на спортсмена, чем на музыканта. Звали его Мартин.

— На гастроли к марсианам собираемся, — ворчал он, — на собственной планете от горды зависти!

— Ничего, Мартин, — утешал я. — Скоро прояснится, мы помечтим дальше, и ваше мастерство сразу исправится.

обычно, слажен, солиден, надежен.

В иконе, когда команда попала в полосу неудач, встретил Якушина на трибуне стадиона, и в шутку и чуточку всерьез сказал ему:

— Прощу иметь в виду, что такой игрой вы губите репутацию и своей команды и одного спортивного журналиста...

— Все будет в порядке, — заревил меня динамовский тренер. (Сейчас Якушин нет в «Динамо»). Но об уходе из команды нечего говорить. Заслуги остались при нем).

Время шло. Шанссы московского «Динамо» выйти в финальную шестерку расценивались как чисто теоретические. И вдруг в чемпионате, как в шахматном этюде, были сделаны единственны ходы, которые вели к выходу бело-голубых. Всем понятно, как «Даутагев» неожиданно пронгребла в Харькове и как потом на своем поле рижане в поисках нужной им пулевой ничьей не

— У вас в России есть хорошая поговорка, — усмехнулся Мартин. — Пока солнце взойдет, роса она выпадет. А настроение у меня не такое уж плохое...

Он подошел к зеркалу и приглядывал короткие, редкие волосы. Его отражение весело подмигнуло мне:

— А что, если закодировать погоду? А? Ведь музыка должна быть сильнее стихии?

— Пожалуй, — согласился я. — В самом деле, сырье лучше...

В рукахрослого Мартина скрипка казалась особенно маленькой. Он посмотрел на меня и застенчиво улыбнулся.

— Конечно, я не Тибо...

Затем лицо его стало строгим, сосредоточенным. Мартин занялся.

Я слушал его смотрел в окно. Приютивший нас аэропорт был небесным. Вокруг текли горы, придавленные тяжелыми тучами. На встречу серым тучам медленно поднималась белая тумана. Так же медленно поднималась к потолку дымок от сигареты. Я забыл погасить ее.

Скрипка замолчала. Однообразно шумел дождь.

— Не появилось солнце, — вздохнул Мартин. — Неужели музыка слабее стихии? Нет! Просто я плохой музыкант.

— У вас редкая левая рука, Мартин, — возразил я. — И безупречная интонация. Только, мне кажется, вы склонны к излишней нервозности. Это почти незаметно, но жюри может придраться. Ну, а пока запасемся терпением, будем ждать погоды.

— Уж эта моя нелетняя погода! — нахмурился Мартин. — Спасибо Марии. Когда же она будет летней?

Его глаза вдруг стали лазовыми, словно он подумал о чем-то хорошем. Быстро достав какую-то фотографию, он протянул ее мне:

— Это Нелль.

Такие лица встречаются обычно в журналах мод. «Смоловая пустышка», — подумал я. Но, чтобы не обидеть Мартина, сказала:

— Что же, Красивая.

— Здесь ей всегда шестнадцать лет, — улыбнулся Мартин. — Но она почти не изменилась. Когда я играл, мне кажется, что она слышит. И я старался играть хорошо.

— А она разбирается в музыке? — спросил я.

— Нелль даже не знает, — засмеялась Мартин. — Но она любит слушать мою скрипку. Он рассчитывал наоротник и, облегченно вздохнув:

— У моего соперника были великолепные зубы и отличное настроение. Он всегда улыбался. У него был скрипач «Шевроле», блестящий и блоки, как большие портсигар. Не подумайте, что Нелль могла попытаться на богатство, нет, она в этом отношении молодец, не то что другие. Но, согласитесь, королевской девушке приятнее прокатиться в бес-

сомнении, убечься ворота в матче с динамовцами. А тблынца подняло число пропущенных голов. Тут даже трудно употребить выражение «волши». Так и хочется сказать, что динамовцы в шестерку проникли, просочились, вползли...

Вскоре в Лужниках был сыгран матч, едва ли не интереснейший в сезоне. Интерес его состоялся в неизречимо психологическом аспекте. Мартин сидел на полях мюнхенского «Торпедо» — лидера года, быть может, впервые в своей истории опущенного реальность выигрыша звука первой команды страны, и старого чемпиона, будут обнаружившего, что еще можно устоять на пьедестале почета.

В то время торпедовцы объективно выглядели сильнее. Но игра тем не менее была равной.

— Здесь мы (в который раз!) увидели знаменитую живущую динамовцев, неслыханный запас их стойкости. Судбу красавицы поединка решила ошибка Яшина.

шумным «Шевроле», чем прятись на багажнике старого моторолера. И, конечно, весело проводить время с беззаботным, жизнерадостным папочкой, чем с угрюмыми чудаками... Впрочем, это неинтересно, скажите право, я не буду...

Говорите, Мартин.

— Ну вот... Иногда я старалась пугать и дурачиться, чтобы Нелль не было скучно со мной. Но не всегда получалось... Как-то в детстве меня напугали бродячая собака. У нее были странные блестящие глаза. Наверное, от голодада. Взглянув однажды в зеркало, я увидел, что мои глаза такие же. Вы не встречали людей с такими лихорадочными глазами? Они бывали только в безработных жизнях! Как погод, вымытый из графика: гудишь у каждого семафора. И всду красный свет: путь закрыт... Кстати, не включите ли лампу? Уже стемне...

— Мне свет не нужен. Продолжайте, Мартин.

— Так о чем это я?.. Да... Отец мой играл в фойе кинотеатра. Это был застенчивый, непрактичный человек. Он так наставлял меня: «Сынок, знай свое место!» Извините... Никого пасынства не оставил. Необходимо было работать. Об участии в концертах не могли быть и речи: для этого нужны имя, профессия, деньги. Устроиться в какой-нибудь оркестр, хотя бы при кинотеатре... Пожалуй, было бы легче стать мэром города... Я вижу, что вы стараетесь меня понять. Но это надо испытывать самому... Куда я ни приходил, меня вежливо высушливали. Говорили что-то лестное о владении птицами. И, в конце концов, предатели позвонили через неделю: по телефону легче отказаться. Нет, пробить эту стену не было никаких возможностей. Друзья уговаривали меня заняться чем-нибудь более практическим, да и посты неизвестных друзей не отпускали. Но я вспомнил музыку. И я решил, что лучше оторваться от своего призыва? А газеты и радио называли умерли меня в том, что никогда не такой свободы творчества, как у нас. И труду было не поверить: с газетных страниц улыбались портреты счастливчиков, на рекламных афишах появлялись новые фамилии... Но для этого нужны деньги, деньги и деньги. Нужно тетьться в обществе баловней судьбы, знать по следам анекдотов и бывать в домах доброжелательных тузов. Для этого надо быть безухоизнено одетым, нужно угощать виски полуторлитровых субъектов, делать коробные подарки чьим-то деткам. Как видите, Мифосторый был прав: златой телен — владыка всех владык. А тут еще Нелль... Взамен приземистого «Шевроле» сдалась ядерное оружие. Она таня с открытым языком, козырько ждала от меня... А что я мог сделать?

Задребезжало окно. Это проехал тяжелый бензозаправщик. «Может быть, к утру погода

Счастье в тот дождливый вечер отвернулось от чемпионов.

Опять акция «Динамо» перестали котироваться. И нежданно на финиш команда получает бронзовые медали.

Мне кажется, что в прошлом году московские динамовцы дважды выступали не безнадежные ситуации, совершили своеобразные подвиги. Знаю, что мы не были счастливыми синими футбольными болельщиками. Они скажут, как можно хвалить команду, когда у нее «неблагополучно с тренировочным процессом», «не определен основной состав» и т. д. Но я пишу не об этом. Я имею в виду одно: динамовские традиции устояли в передрягах!

Вернемся, однако, на Черное море в март.

...Ежедневно по утрам автомобили спустили по щоссе: то тут, то там пропадали машины. Среди машин были: Лесолады, Адлер, Гагарин, Сухуми. Мне хотелось рассказать об одном из таких матчей, который мог бы украсить и чем-

пионат. Это встреча армейцев Москвы и Ростова.

Должен сознаться, что в позапрошлом году я без особого винения следил за дебютом ростовчан. В памяти хранились слухи, когда выходили из класса «Б» ценою невыразимым затратами и сил, начиная добавлять сенсационной концовкой очки, виноваты были мюнхенские «Спартаки»... «Шахтером», «Молдавией»...

Итак, Сухуми. Стадион машины, словно витину, во двор: поле окружено белыми стенаами. Народу столько, что даже приезд сборной Бразилии не мог бы вызвать большего нальва.

Матч выиграла московская — 3 : 2, забив решающий гол на последних секундах. Одна из стоячих оказалась не из тех, которые были истинной футбольной красоты. Чувствовалось, что игроки мыслят не по шаблону, что им слишком интересно на поле, а потому

Рисунок В. Михайлова.

интересно и зрителям. Тогда я подумал, что безрадостные исторические аналогии, ножкалий, не имеют никакого отношения к ростовчанам.

Чего же можно ждать от ростовских футболистов? И потому следующая моя поездка — в Рос-

тогор.

В центре города, на главном проспекте, бросается в глаза притянутая к стволу донщечка с надписью: «Любители футбола, не сорите!» Оказывается, в том месте скитаются болельщики, чтобы посудачить. Закинность и неизбежность этого нового явления городского быта, как видно, лучше всех оценяет дворники.

Ростов переживает за команду, которая не имеет даже темперамента. Едва стало известно, что ростовчане вошли в класс «А», как тотчас на стадионе отрахали новую высоченную трибуну.

...20 апреля. Матч СКА — «Динамо» (Москва). Надо ли говорить, чем жил в тот день весь город?

Игра не была содержательной. Надивилась — невыразительная нулевая ничья. Но слушаю было угодно вмешаться и спутать карты. Последнюю минуту, а мяч подскочил к вратарю бело-зеленчик в одиннадцать метров от Яшина. Пикантность ситуации усугублялась тем, что в первом тайме такой удар «смазал» ростовчанин Волченков. Хозяева поля, собравшись в кружок, «заседают». Кому быть? Большинство голосов собрал защипчик Гущин. Вот он подходит к мячу.

Удар — и мяч в сетке. Победа!

Теперь, когда команда второй раз подряд добьет четвертое место, совершенно ясно, что ростовчане — это драматичный, сильный коллектив. Однако любая команда не имеет права жить сегодняшним днем. Тем более такая своеобразная, как ростовская.

Я убежден — это подтверждается опытом четырти века, — что постинство успехов футбольистов Москвы, Киева и Тбилиси объясняется тем, что в этих городах ежегодно подрастает юноши, имеющие вкус к мячу. В этом смысле многое обещают Ереван и Ташкент, где ориентируются на местных малышишек и учат их игре.

Футбольный Ростов в этом отношении, признаюсь, разочаровывает. СКА не имеет детской школы (во всяком случае, так было прошлой весной). Местная команда класса «Б» неинтересна.

Можно сколько угодно смаковать, что СКА в таблице стоит выше многих старых знаменитостей. Это прекрасно. И все же из Ростова и уезжал со смешанным чувством удовольствия от знания, что команда не имеет даже беспокойства за ее судьбу. Уж очень хочется, чтобы мы разбогатели, занеся еще один футбольный ансамбль высокого класса. Не на время, а навсегда!

* * *

...Минск. Сюда я поехал вслед за московским «Спартаком».

Утро. В кафе встречаю радиокомментатора Николая Озерова. Сидим и разговариваем. В конце июня «Спартак» был загадочен. После прихода форвардов Севиджа и Константина Симонова побеждал в первом матче. Что же это есть — то скажет кровь, которой заикались артисты коллектива? Подозрительно часто пожимаем мы с Озеровым плечами. И хочется верить, и как-то не вериться.

Но, во всяком случае, мы — двое специальных корреспондентов — здесь. И не потому, что так нам угодно. «Спартаковскую загадку» надо решить — этого ждут любители футбола.

Тогда в Минске «Спартак» одержал победу над местным «Динамо». Калмыки, последовав в легкой серии. Москвичи вели себя на поединке солидно. Даже пересечур солидно. За полтора часа так и не выглянуло солнечко, был

исправится, и мы участим? — подумал я.

— Я не утомлю вас своей болтовней? — спросила Нелли.

— Нет, что вы...

— Я все-таки нашел работу, — продолжал он. — В крематории. Закопенная труба время от времени выбрасывала бурый дым. Вскрикивали женщины в черном. Мужчины срыгивающие голосами произносили надгробные речи. И все это — в сопровождении органа и скрипки... Я уплатил квартирный долг, начал чаще притягивать Нелли к книге. Безбожий лагал ей, описывая несуществующего богатого чудака, который любит якобы после обеда слушать мюзикл и прямиком платить. У О'Гери. Помнишь? Нелли верила. Но вскоре ей привело короткое сообщение. В крематории она увидела меня и увидела меня... — Нет, вы ее не знаете, моя Нелли! Она отказалась от роскошного «Шервуда» и предпочла старый громадный... А из крематория мне пришлоось уйти: перестал спать. Если бы вместо души было электронное устройство...

— Чем же вы жили?

— В основном долги. Нелли, правда, устроилась машинисткой в одном кабинете. Но однажды, приехав с работы, расплакалась и жаловалась на директора. Он оказался глупым человеком. Слушала бы вы, как визжал этот мерзяк! Я прочла его прямое в кабинете, при подчиненных. До чего же превосходное настроение было у меня в тот день! Только Нелли сразу уволнали. Вот и вся наша история... Не ведесло, правда?

С тех пор прошло два года... Скоро нас будет трое. Нелли так хотела ребенка. Чем же она же других?... Вся надежда на этот конкурс. А если проиграю... Мы с многое должны. Нелли две недели не разлагала спины: печатала многостраничный бред, какого-то громадного, чтобы заробить мне на дорогу. Я не имею права вернуться ни с чем. Вы понимаете этой Конкурса... Конкурса...

Он замолчал и заходил по комнате.

Да, я старалась все это представить, понять. Но почему-то хотелось думать о своем сынишке, о московских речных трамвайчиках, о зале Чайковского... Только не о том, что рассказал Мартин.

— Ты бы прилегли, — сказал я ему. — Надо отдохнуть перед конкурсом.

— Да, очень надо, — согласился он. — Но я не засну.

— Может, примите снотворное?

— Пробовала. Не действует. Знаете, первое наложение...

Я слушаю скрипку в руки скрипача...

— Я слушаю скрипку Мартина и думаю о Нелли. А для нее он играет сейчас. Чего ждет их? Вздыхает ли он?

А дождь все хлещет по стеклу: кажется, что он плачет. Когда же конец этой проклятой несметной погоды?

спартаковской атаки — темперамент и цепкость.

Вечером за ужином мы с Озеровым опять повстречались.

Ну как?

— Как будто не испохло...

— Да, не испохло.

И оба показали пальчики.

Нет ничего удивленного, что о «Спартаке» в последние два сезона писалось особенно много. Поэтому буду краток.

«Спартак», того, какими мы его знали в пятидесятых годах, даже нет. От него осталась тень. И если этот клуб со временем, как и многие компании, наш футбол, надо смело вообразить, замыслить образы новых, совсем другой команды и лепить ее.

То, что я говорю, вовсе не кровожадный призыв к разгрому нынешнего коллектива. Нет, среди спартаковцев немало больших мастеров. Вопрос в том, как играть. Своеобразие ансамбля создается личностями. Многих из испытанных ветеранов, тех, кто создавал славу «Спартаку», уже нет. А команда продолжает играть, как будто ничего не произошло. И перед нами — команда, подражание прежнему «Спартаку», думаю, что неизвестному по стилю.

Пусть эти строки не показутся злыми. Они продиктованы убеждением, что борьба сильного «Спартака» спектр нашего футбола теряет один из основных своих цветов — красный, с белой попечной полосой.

* * *

...Месяц спустя мяч вновь зовет за собой. На этот раз во Францию, на заключительные игры Кубка Европы.

Мне доводилось выезжать с футбольистами в Швейцарию за чемпионат мира, в Болгарию и Румынию на матчи предолимпийского турина. И там и тут национальная команда счастливо улыбалась. Получив паспорт с французской визой, я подумал:

«Что нас ждет на этот раз? Завтра же мы, соотечественники становимся настолько близкими друг другу, что мяч сам найдет путь к нам, и я не буду беспокоить вратаря. Я знаю, что это факт этой ворот. И поневоле делишь с другими ответственность и какую-то долю вины припринимашь на себя. Пусть это смешно, но мелькает мысль: уж не это ли такая невесомый?»

Не буду писать об играх. Расскажу о том, что не уместилось в газетных отчетах.

В Марселе часа за два до отъезда из гостиницы на стадион тренер сборной Гаврилов Дмитриевич Качалин затянул меня к себе в номер. Мы вели разговор, никакого интереса к которому не имеющего. Я помнил Качалина. Считаю, когда он сидел все остальное в зале заседаний — для команды установкой на матче, побеседовал с футбольистами по звездам и с каждым в отдельности, уложил их отдохнуть, — ему неизвестного было оставаться в одиночестве. О нем, скажу честно, я не помнил, собеседника, который отвлек бы его от тревожных мыслей. Трудным это часы для тренера. Работа его подходит концу, когда события еще не начались.

В ложе прессы французские журналисты поинтересовались и уточнили мне лучшее место: гостя, да еще занятессированное лицо. Вижу Франтишека Жемчу, моего коллегу из Чехословакии. У нас

добрые отношения, но два часа мы разминулись. Осведомляясь, что он думает о результате?

3 : 2 в нашу пользу, — не задумываясь, отвечает Жемчук.

Остнине и склонен считать его, мастером футбольного прогноза. Штука ли угадать в счете «тройка»! (Надеюсь, вы помните, что советская сборная выиграла 3 : 0.)

Игра была такой, какимиывают только официальные международные встречи. От футбола мало что осталось. Вот наилучшие: силы, эмоции, сплоченность, мастерство. Вероятно, некоторые основные футбольные приемы разыгрывались раз в четыре года. Проводить такие встречи чаще, мне кажется, выше сил человеческих. Перерывы необходимы, чтобы не только восстановить силы, но и обратиться с мыслями.

Вечером в комере, где жила мы с Озеровым, пришли наши футбольисты. Приодевшись, святящиеся от счастья. Они еще были под током и искали разрядку, чтобы привести себя в тонус. Кто-нибудь в чужом городе?

Сели смотреть партию в домино. Яшин, Нетто, Масленник, Иванов. Начали весело, с шутками. Кончили партию, и вдруг все сразу скисли, глаза сонные.

— Что-то неинтересно, пошли спать, — сказал Яшин.

И ушли. Это им на радостях показалось, что сил еще в избытке и можно пойти в гости, поболтать, подурачиться. Нет, истраченно в матче было едва ли не все Славия испроено. С толком и ощущением легкости спать без просыпа, до утра.

«Дома» разыграли в темный вечером, под молчанием, теплым дождем. Напи начисто проиграли первый тайм.

В первоме Яшкин с наименованием из волнения лицом глухо сказал:

— Еще минут десять, такой игры — и пинки пропадут.

— Да, покажу! — со вздохом согласился Маслов.

— Не может этого быть, — должны ребята прийти в себя, — с обидой в голосе произнес Симонян.

Едва игра возобновилась, Метревели скрипал гитару.

— Молодец, Славя! — не удергалась и выкрикнула Маслов и, наклонившись на кам, уже тихо добавил: — Теперь игра пойдет, посмотрите...

И игра действительно пошла. Наша игра! Ребята словно развязали. Югославы сильны, и Кубок им так же не давал покоя, как нам. Но теперь игра на равных. Наша, покажу, активнее. Они стояли, защищались, честно сейчас для них весь интерес в этом.

Но, кажется, я не собиралась пересказывать ход матча? Вот она, власть футбольных впечатлений! Увлеклась.

Еще чуточку...

Решающую комбинацию я записал со всеми подробностями. Если бы меня tolkнули в бок и сказали: «Сейчас будет гол», — скоро же я бросил бы блокнот и просто ждал этого исторический момента. Комбинацию следовало бы назвать каруселью. Бубукин с правого фланга отоспал мяч назад и в центр Войнов. Но в одно и касание сделал передачу вперед и налево Мекси.

От него наивысшая подача снова в центр, уже близко к воротам, на Новеллеска. Продолжение. Удар головой. Гол! Мат в ходе этой атаки двигался почти по окружности. Красиво! А главное — «стами»!

К своим бежали вокруг всего стадиона. Полицейские нас пропустили, услышав русскую речь. Раздавалась кричевица, не вернувшись. На стоял пустые бутылки из под сокраща, рассказывали обсерватории. И среди всего этого беспорядка серебряный Кубок — греческая амфора на зеленой мраморной подставке. Самый красивый кубок в истории нового футбола! Принесли в Париже, такие торжественные масли в голову не приходили. Просто было легко и радостно.

День спасся, вечером, прогуливались мы компанией по бульвару Сен-Жермен. Сиромый газетный киоск. Кто-то увидел на прилавке свежий номер футбольного журнала с фотографиями финального матча. Журнал пошел нарасхват. Кому-то даже в голову пришло насторожиться. Старичок продавец высыпал из оконки и недуменным взглядом провожал нежданных покупателей. Я обяснял ему, что это молодые люди. А тот, кто эти люди?

Я понимаю: он говорит, что никто не видел, как у него покупала журнал сборная команда Советского Союза. Кто ему теперь поверит?

Мы и на ходу листали страницы.

Качалин вдруг сказал:

— Эх, ребята, понимаете ли вы, какую победу одержали?

Отклинулся Валентин Бубукин:

— Дома поймем...

Затем «ТУ-104» в полете. Кто листает журнал, кто дремлет. Мирий пасажирский был на высоте 10 километров. Мы с Качалиным тихо беседуем. Гаврилов Дмитриевич задумчив. Он уже не в Париже, мыслы его в Сан-Лео. «Золотую багину» мы с ним видели на выставке в Стокгольме в поднятой руке капитана бразильцев Веллинга. Теперь разговор о нем.

Футбольное время летит замедленно. Из тех, что два года наставлял на полях Швейцарии, Париж увидел лицо Яшина, Войнова, Нетто и Иванова. Кажется будущий состав нашей сборной на VII чемпионата мира? Нет, Качалин не берется ответить.

Пока он перебирает фамилии: Маноцки, Воронин, Петров, Лобановский, Вазилевски, Мосалев...

— Мне ясно одно, — говорит Качалин, — Париж позади. Все начинается сызнова.

И в самом деле, нет в спорте таких побед, которых можно было бы ограничиться и удовлетвориться. Победа зовет дальше. И всегда впереди дорога!

* * *

Мое последнее путешествие прошлого года связано с двумя совершенно разнохарактерными соревнованиями. Одно приятное: приступить при рождении нового чемпиона страны. Другое — садись, я имею в виду поездку в Киев, на матч московского «Торпедо» с местным «Динамо». Турнирная ситуация сложилась так,

что в случае выигрыша киевляне получали шанс на золотые медали. Московской победы делают все усилия. Словом, решающей матчи.

Торпедовцы выиграли. По всем правилам, показав ту свою мягкую и уверенную игру, которой они блестяще на протяжении всего года. Как водится у спортсменов, динамовцы тут же, на поле, поиздевались автозаводцами. Потом москвичи садились в автобус. Странно, но ни один из руководителей киевской команды не подошел к нам, хотя бы попрощаться. Почему?

Оказывается, тренер киевлян занялся противом, поэтому, несмотря на то что судья не засчитал гол забитый Банджевичем. Мне это показалось недоразумением, потому что против этого рода вообще в счет не идет: это оговорено положением о розыгрыше.

В тот же вечер я передал отчет о матче: «Первые получаса Торпедовцы повели в счете (2 : 1) за 30 минут до конца, что и давало право на титул заголовку. В конце были строчки: «Итак, воскресенье киевские любители футбола присутствовали при рождении чемпиона страны. Наружу вышли три клуба: «Чемпион» 1960 года вице-чемпион новый — четвертый по счету. Мы ждали его появления, потому что нашему спорту давно полагается иметь больше, чем три команды самого высокого класса. А при победителе первенства страны — это ведь и есть наиболее авторитетный диплом». Все это редакция пришлось опустить. Из-за того, что в протоколе фигурировал протест и формально нельзя было засчитывать результат матча.

Какова судьба протеста? Нет, киевский тренер не представил в Федерации футбола свои аргументы. Этому помешала вспомогательная бука в законе. Кинопленка, не следующий день, показала, что игрок, забивший гол, находился-таки в положении «ни в игре».

Тем не менее безответственный росчерк обиженного пора на несколько дней отложил признание победителя. Зачем это делалось? Спортивны тут ни при чем. Пером водила рука человека, который, находившись хоть в чем-нибудь, хоть на время замаскировал бесспорное поражение.

Людей этих следует решительно осаждивать. Потому и я пишу подобно. Ведь это стоит в поэзии сказать, против способа посещать в сордаках иных болельщиков сомнение, досаду, ненависть.

Признаюсь, мне жаль, что о поездке в Киев приходится писать в связи с этой несимпатичной историей. Футболисты киевского «Динамо» заслуживают лучшего сюжета. Это одна из самых интересных наших команд, которая в нынешнем году должна засверкать еще ярче.

* * *

...Сейчас на дворе марта. Тот месяц, в котором начались все поездки. Этакие поездки пойдут гулять по зеленым полям команда. И нам, спортивным журналистам, пора опять собираться в дорогу...

ГОД В ПУТИ

Чтобы встретиться с Федором Куоковым, на конец погоды дрожали в кузовах повышенные виды грузовика. Давно уже скрылся за горизонтом завод синтетического каучука, порадев и потому и вовсе исчезли дома Старополя.

Надвинув на уши серую кепку и подняв воротник пальто, Миша Сотников, комсомольский вожак строителей, крикал нам в самые уши, чтобы переслышать речущий ветер:

— Видите овраг? Ну и туда было Куокову! Прошлой осенью дошли шли без перерыва, как в дикунки! Еще запинались. Ребята работали в траншеях по пояс в воде! Мы полчаса в амбаре, а им не это — развалины целый год! Принесли виноград, а они — «гол!»

С небольшими перерывами Миша Сотников кричал почти всю осень. Собственно говоря, именно там, в кузове мчавшегося грузовика, мы и услышали наиболее полный рассказ о Федоре Куокове и его бригаде.

Впервые Федор надел брезентовую рубу и поднялся на высоту еще на Волго-Доне. Потом варили арматуру на Нижнекамском заводе и вел машины Волжской ГЭС имени В. И. Ленина, за что однажды получил. После ГЭС — бетонный завод, цементно-шифнерный комбинат, и, наконец, «СК», завод синтетического каучука.

Всё наше время вспоминали гордые слова перед строителями: кому вести к Волге коллектор! Коллектор — это как бы форточка, отдушина завода, куда сбрасываются отходы производства. Без коллектора завод не может дышать, и все эти стройные здания и замысловатые сооружения теряют всякий смысл.

Вот почему начальник СМУ-1 Лавченков хотел поручить эту очень трудную работу самой надежнейшей и проверенной бригаде. Его выборпал на Куоковов.

Но Миша упомянул, что Федор по-южношкински влюблен в профессию мостостроительной, понимал, что будет трудно обменять его и бригаду спуститься с гордой высоты на грязную землю. Но что поделаешь, если и на эту работу нужны крепкие, знающие люди.

Не сразу согласился Куоков. Но потом, в голом поле, между заводом и Волгой, появился одинокий транспортёр: «Здесь работает комсомольско-молодежная бригада Федора Куоковова».

Так началась этот изумительный двенадцатикилометровый марафон. Раньше самолет про летел из Астрахани в Казань за полтора-два суток. Триста километров было преодолено больше двух часов. Бригада Куокова дала год срока. Триста шестьдесят пять дней, разрывая упрямую землю, они должны были тащить за собою нить коллектора, чтобы связать завод с Волгой. Триста шестьдесят пять дней и ночей, в холод и зной, дождь и метель, они должны были укладывать на дно глубокой траншии бледно-серое тело бетонного коллектора. Километры в месяц, тридцать три метра в сутки, почти два метра в час...

Сначала шли бесконечные октябрьские дожди. Всю зиму, весну, лето, осень. Она проникала в юбку, вплетала в высокие разномастные сапоги, заливала только что вырытые транши. Даже ворчливые бульдозеры природы остановились, не находя в себе сил сдвигнуть с места побуревшую от дождей землю.

Потом наступила зима. Она принесла с собой морозы, тонны снега и новые трудности. Стыла земля не желала подчиняться даже современной технике и зевенела на морозе, как базальт.

По утрам строителям приходилось часами выбрасывать снег из траншей, тщательно очищать от него швы труб, потому на лютом морозе

здесь производить закладку коллектора, рвать траншею дальше...

Однажды Федор собрал бригаду.

— Братки, — сказал он, — больше всего времени уходит на уборку снега. Половина дня тратим на ар嗔у! Не годится. Какие будут предложений?

Бригада молчала.

— Выход у нас один: работать круглосуточно, в трех смены то есть. Тогда уборку и укладку смешем делать одновременно...

Бригада молчала.

Федор плонул, пошел прочь. Его остановил голос:

— Обожжи! Подумать надо...

Убедив в конце концов Федор товарищей. Со следующего дня для работы подготовлено, непрерывно.

Мало кто знал тогда, чего стоило это решение самому Федору. С семьей у него были нелады. Жена Федора иногда не работала, хотя окончила статистический техникум. Сидела дома. Да не у себя — своего у них пока не было, — а в чужой комнате, которую они снимали в Жигулевске, что по другую сторону Волги. Работы на коллекторе прибавились, стал Федор позднее приходить домой, скорее временного прибежища, нежели в маленькой деревенской сторонке, куда члены бригады ходили спать по очереди. Как-то приснился из жены запиничка, что уезжает она с ребенком в Куйбышев, к подруге. Кинулся Федор в Жигулевск — жены уже нет, не застал. Поехал в Куйбышев, но дальше порога его не пустили.

С тех пор и осунулся парень, глаза запали, а в работе появилась какая-то злость, которой раньше не было...

Наша полуторка остановилась. Шлагбаум.

Мы закурали, а Миша Сотников, воспользовавшись передышкой, рассказал нам еще одну историю, связанную с Куоковым.

— Полно, — начал он, — поднялась как-то к вечеру метель. Всю ночь кривила, а потом еще весь день. Страшная метель — ни пройти, ни проехать! Руководство решило приостановить работы, что велось на воздухе. И вот возвращающиеся я как раз в ту пору с заседанием комитета. Ветер груди дрожал, глаза смотрели больно. Вдруг ярко засиял фонарь несекаемого куста. С ботинком. Остановившись на мгновение, спрашивал: «Куда едет «Известное дело», — отвечает шофер: — разве машины не видны? Кто сейчас работает? Один Куоков!» Действительно, на крыле машины — самодельный вымпел. Это Куоков договорился с шоферами, которые ему бетон везли, чтобы они в любую погоду работали.

Даже в метель работу у него кипела. Задание было — двадцать пять труб за смену, но они гораздо больше укладывали, как-то в январе — ночь — метель — труба поднималась. Морозной ревной! Привозили Федора за это пришлось отругать. Себя он не жалел, да и ребятам такжало. В ту ночь его звездной Мишке уши поморозили... Круглой человек Федор. Даже из начальства с ним никто связываться лишний раз не хочет. Знаете, как-то с бетоном вышел прорыв. Бригаде стоит, ждёт, а машины не идут. Час проходит, второй — бетона нет. Сел Куоков на попутную машину — и прямо на

Рисунок А. Черномордина.

бетонный завод, к директору. Того не оказалось. Пшел к главному инженеру, главный в отдел снабжения направил, оттуда еще куда-то... Разозлился Федор и айда прямо в цех, к рабочим. Так, мол, и так, товарищи, выручайте! И выручили.

Прошел железнодорожный состав, и шлагбаум подняли. Минуту через пять мы увидели яркую полосу траншеи. Она терялась вдале, там где из земли ходили народом Волги. На обочине дороги рядом простой деревянной избенкой, торчала на двух стойках транспортант, который, видимо, продавал вместе с бригадой весь этот долгий путь. Буквы уже вышинали, растеклись по краям, доски начали рассыпаться, но, как побывавшие в боях знамя, транспортант винилевое почтение.

Поблизости никого не было. Облитую солнцем сталь перерезала глубокая траншея, на дне ее белела труба коллектора.

Удивительное дело! Люди с величайшим трудом сдевали этот разрез в земле, чтобы положить на него одно иконородное бетонное тело, а потом снова закопать! Все это пористое транспортант, маленькие кирпичи, будут лежать здесь футбольный мяч, даже не будущий, что под ними ногами засыпаны многие тонны человеческого труда. Что станет в ту пору с коллектором? Он превратится в техническое понятие на чертежах и скажет: «Ск» да будет жить в воспоминаниях строителей.

Сотников подвел нас к избушке.

— Зайдем, — сказал он, толкнув дверь. Лицом к окну, загораживающему свет, в избушке стоял человек. Нам видна была его широкая черная спина. Человек зло кричал в телефонную трубку:

— Сто раз тебя просил!.. Мне уже ребятам смотреть в глаза неудобно! Что Ольга обещала? Нет, не обещала!.. Ты же знаешь, с севера плана дали металлогорку! Да на эти деньги центральный стадион построить можно! Но я же не стадион прошу, нам всего один мяч нужен!..

Человек огланился, пристально посмотрел на нас. Миша Сотников шепнул в это время: «Куоков, сам...» Громадная рука сжимала маленькую телефонную трубку, а другая разрезала воздух на части. Наконец таинственный представитель спорта, сидящий на другом конце провода, начал поддаваться. Мы почувствовали это по тому Куокову.

— Так, — говорил он, — вот это другое дело. А то корымы одними обещаниями. Я так и передам нашим физиолистам. Иззвесьли машины.

И враз ли подозревала собеседник Куокова, что в этом месте его ожидает новый удар.

— Слушай, — встремнулся Куоков, — чье не забыл! А как с духовыми ружьями? Обещал, говорят? А мы уже секцию создали, мишенями сами купили. Пойми, садовая голова, что у меня народ не простой, бывшие солдаты, кто не постремял охота бумагу писать? Зачем такая канцелярия?

Куоков не обращал на нас никакого внимания. Мы сидели, и разговор принимает хроническое затяжной характер, услыхали в широкую деревянную скамью, стоящую в центре.

Одну стену дома занимали грамоты и вымпелы всех видов и расцветок. В углу стояли в полутускнеюю сторонами, вся в киблорваках которой состояла из простого обструганного стола и скамьи, эти обитые золотыми позументами знамена выглядели особенно торжественно.

Телефонный разговор кончился. Судя по по-

следним словам бригадира («Хорошо, так я позову тебе завтра, а ты не забыши!»), обе договаривающиеся стороны пришли к какому-то соглашению. После этого Куоков шумно бросил трубку на рычаг и, повернувшись к нам, сказал:

— Куоков. Чем могу быть полезен?

Приближаясь к рассмотрению «гроза начальства» оказалась высоким, рыхловолосым парнем с небесно-голубыми глазами. На вид ему можно было дать не больше двадцати лет. Борода у него с трудом пробивалась из сплющенного ветром лица, хотя он не брался, видно, за свою бороду уже давно. На плечах у бригадира была вышитая брезентовая куртка, перевешенная широким поясом с металлическими кольцами. Как моряк, давно сошедший с корабля, носит тельняшку, так и высотник ни за что не расстается со своей амуницией.

Федор говорил не спеша, тихим, сплющенным голосом с характерным волнистым выговором, хотя родом он не из этих мест.

Разговор долго не клеялся. Когда Федор начинял говорить, мы немедленно вытаскивали записанные книжки, но это обстоятельство его, видимо, смущало, и он замолкал.

— Да, не класки!, — улыбнувшись, сказал он вдруг — цыганками говорить не умею. Стоит ли записывать?

Мы не сговаривались, спрятали блокноты, и бесседа потекла оживленнее.

О чём бы ни говорил Куоков, он неизменно сводил разговор к его силе и его неизмеримым возможностям. «Якать» он не любил...

Когда то раньше ему казалось, что высотники — необыкновенные люди. Герои. А кому не хочется быть героям? Но потом, когда сам поднялся на навес, убедился, что люди, работающие там, такие же труженики, как и все, и геройство заключается не в профессии, а в том, как работают люди. И не только один этот человек, а вся бригада.

— Герой! Героев здесь нет.

Сказали, как отрезал. И посоветовали, если уж писать о геройском, взять историю с Тамарой Гореликовой, которая в ступке цеха красила. Ноги у нее и полю примерзали, а она работала.

— Вот это геройство! Но Тамара не из моей бригады...

— Некоторые высотники, — говорил нам Куоков, — для новичков устраивают вроде как экзамен: пройдись, мол, по балке на высоте тридцать метров, и если прошел, не испугался — принят! А мне кажется, надо не на ноги работать, а на голову. Идея для будущей работы полезней. К примеру, заделывание швов в коллекторе. Работа ответственная — ведь, как говорится, земля все скроет, даже брак. А за всеми разве успеешь? И слепить-то — обиду наносить. Выходит, надо знать душу людей. Я за свой коллектив головой ручался! А если с кем что случается, его тем песочат, что держись!

Этот Куоков напоминал на истории с Иваном Пензенским. Хорошо бы парень, избрал его комиссаром участка и в отсутствие Куокова даже назначил бригадиром. Но станем замечать, что парень изобретатель. Не выдержал. Стал кричать, размахивать руками, топнул даже пару раз. Перекрибрал. И на попытку пошел. Сейчас работает normally.

— А где у вас парень, который уши поморозил?

— Михеев-то! — улыбнулся Куоков. — Здесь. Женился. Парень он хороший и жену нашел

подходящую, не то что..., короче, состройную она. Мы и решили ему закрыть комсомольскую свадьбу. А начальство не соглашается: площади пока нет жилой, раз сырьи, мол, комсомольскую свадьбу, так непременно в подарок — комсомолу. Мы тогда всей бригадой письмо написали начальнику СМУ. Комата, конечно, вещь хорошая, даже необходимая. Но раз в нашей делой? Если уж такому человеку, как Михеев, комсомольскую свадьбу не устраивать, так кому их вообще устраивать? Хоть и разко поставили вопрос, но, по-моему, пропалило. Как вы думаете?

— Вспомнил я, — сказал Сотников задумчиво, — вопрос, который заставил его покраснеть. Федор посмотрел на Сотникова, потому на нас — засмеялся, мол, при людях спрашивавший таких — и развел руками, словно желая этническую скандал: ничего не поделаешь...

А Сотников, хитро подмигнув нам, спросил:

— Федя, послушаешь тебя — у вас не бригада, а золото. Так и работаете здорово, и дружба, прочее... А почему до сих пор не получили звания бригады коммунистического труда?

— Слушай, Федор. Задал его секретарь, видать, за самого большого честного, и это тоже было в интересах бригады. У Куокова были серьезные недали. Ерофея он учился, не законил. Был, правда, когда-то в Грязионском нефтяном институте. Целый год кубами, как говорит, на лекции, а потом поехал по комсомольской путевке на Волгодон, да там и остался. Назначили его инженером по нормированию, потому даже начальником отдела труда и зарплаты. Казалось бы, в гору пошел человек.. Но снова ушел. Но не душе! Подился в бригаду арматурщиками. Только здесь и вспыхнуло все прелесть настоящего труда. Чем касается учебы...»

— У меня в бригаде же ребята занимаются спортом, — сказал со стороны Куокова, даже с какой-то жалостью. Будто он был свидетелем этого обстоятельства. Вася Сенин в институте поступил... А в ворде как бы отстойщик. Честно скажу: сырьи. Перед ребятами. Мы недавно заселили в Куйбышев, смотрели «Иркутскую историю», всей бригадой. Никого писца, понравилась. И ребята мне потом говорят: «Видишь, говорят, мало было работой. Главное — человеком!» Я-то понимаю, на что они намекают... — Он вздохнул. — С критикой приходится считаться, особенно, когда она за душу берет. Значит, правильная. А ты, Миша, говоришь о звании. Куда меш...

Уже выходя из стороны, мы обратили внимание на толстую галерею. Перехватывая наш взгляд, Федор смущенно сказал:

— «История дипломатии». Третий том начальства, чорт возьми!

— Федор Васильевич, а где же бригада? — вспомнили мы. — Выходной?

— Заняты, — спокойно ответил Куоков. — Ребята на занятиях. Кто в техникуме, кто в школе. Я их без звука отпускаю:

— Но закончить на этом рассказ о Куокове неизвестно. Хочется привести один документ — телеграмма Михаила Сотникова, полученному наше уче в Москве:

«Куоков поступил десятый класс вечерней школы № 11. Бригаде присвоено звание коммунистической член Сотникова».

г. Ставрополь, Куйбышевской области.

Тридцать лет тому назад Мастура Джалилова первой из женщин в кишлаке сожгла паранджу и стала трактористкой. Вплоть до прошлого года она была бригадиром тракторной бригады. Сейчас Мастура — пенсионер колхоза имени Жданова, Аравинского района, Ошской области.

В гости к Джалиловой часто приходит комсомолка Дилярхонжан Рафиковна. Она одной из первых в Киргизии откликнулась на призыв

Героя Социалистического Труда Турсуной Ахуновой и села за штурвал хлопкоуборочного комбайна.

В прошлом году Дилярхонжан убрала около 80 тонн хлопка-сырца. Сейчас девушка продолжает учебу на курсах механизаторов широкого профиля в Джелалабаде.

Фото Б. Рябинина.

Пока не пробудимся ЕВРОПА

Мартин ЛАРНИ

Известный финский писатель-сатирик Мартин Ларни, автор «Четвертого позвонка», «Госпожи советницы», написал для нашего журнала памфлет, высыпывающий нравы некоторой части молодежи, характеризующей так называемый атлантический образ жизни. Предлагаем этот памфлет вашему вниманию.

Не так давно я слышал историю об одном ученике, который посреди урока вскочил из-за парты и с восторгом воскликнула:

— Тишина! У меня пробивается борода!

Но это учитель спокойно промолвил:

— Если это так мучительно для тебя, скажи в аптеку за вытяжным пластырем.

Этот обмен репликами между преподавателем и учеником говорит о том, как труко подчас представляют старшего поколения попытать современного юношу. В жизни молодого человека проявляющиеся ускны — события огромной важности, потому что они открывают перед ним карьеру джазового певца. Этого обстоятельства не понял преподаватель. Отсюда вывод: он не достоин быть воспитателем юношества. Экстремистский родительский комитет сразу учитело строгое внимание за высокую степень заносчивости и душевные переживания, причиненные юному человеку в первомом возрасте.

Когда я сейчас буду рассказывать вам о моделях моего родного города Хельсинки, то постараюсь всячески избегать заносчивости, так как, во-первых, остерегаюсь причинить кому бы то ни было душевные переживания, а во-вторых, боюсь беспощадной мести юношества: в любой момент мне могут подложить на стол книжки или, что еще хуже, оттаковать меня за бороду.

Молодежь нуждается прежде всего в отзывчивости. Во мне она встречает отзывчивость, а я порой даже восхищение, страх и преклонение. Молодежь охотно учится: в школе она постигает науку одурачивания простоватых учителей, в кинотеатрах — разбогатывания общего образа жизни. Когда парень moet по собственному желанию шею и уши он, без сомнения, влюблен, а когда от него начинает исти губам, можно с уверенностью сказать, что на него наступила пора целований девушек. Курение делает его мужичком. Всюческиему так беспокоят преподаватели, когда большая часть их учеников превращается в мужчин.

Старшим следовало бы понять-

ливнее относиться к курению школьников уже по чисто гигиеническим соображениям. Врачи, видите ли, установили, что некоторые курящие содержат куда меньше бактерий, нежели посещают тех, кто не курит. Об этой простой истине проноха и хельсинкская молодежь, усердно обменяющаяся между собой бактериями по примеру, заимствованному с Запада.

Свое благословение курящим юношам шлют табачные фабрики, на чьих рекламах позирует исклучительно молодежь в первомом возрасте. В этой связи запрещение школьных управлений курения в школах выглядит по меньшей мере парвартом. Пора бы школьным властям понять, сколько широк в том, когда мужик удаляет-ся, а дым остается.

Неотъемлемым признаком современного общества юноши являются сигареты американского типа, наброшено санскритом из рта. В одолже же подражают моде Стоготыма и эзотерических стран. Брошки узне до того, что штаны приходится предварительно смызгивать тавтом, прежде чем они налезут на своего хозяина. Крайне важно, чтобы штаны были марки Джейс, фермерские, с картикой ассоциации в один доллар, принятой к задней части в знак того, что связи с западной культурой покоятся на неизбываемой основе твердой валюты. Таким образом, дознумом идеологии являются штаны.

Внешний вид завершает кожаная куртка, ни застегнутая ни пуговицы. Туфли — очаровательно женственные, с острыми носками. Пару лет назад юноши носили головной убор — прописанную шапку. Отсюда и финский синоним стилем — «яяккота» — прописанная шапка. Но юноши наших дней хотят покрыть покройкой головой в инвариесе морозы и метели. Они, видите ли, одевают винтажную шапельку, что дает иностранцу повод принимать молодых академ Хельсинки за скрипачей. Нет только скрипок. Волосы непременно должны сидеть на воротник, а спереди на лоб. Локон, выпущенный на лоб, говорят, согревает чело и покоряет сердце девушек.

Избитая поговорка гласит, что не одежда красит человека, а человек одежду. Она не лишена справедливости и в отношении молодых людей наших дней. Конец в брючках-аудиоках и кожаной куртке, с суровым выражением на лице, перенятом из уголовных фильмов, с сигаретой во рту и жевательной резинкой в зубах, — чем не надежда своей отныне? Он всего-навсего подражает великосветской моде, копирует «серийных молодых людей» Англии или ковбоев Америки — этих героях наших дней.

Об одежде и поведении девушек я намерено умалчиваю, ибо все они восходящие кинозвезды, чьи жизни будут сплошными переживаниями, на какой-то мере смягчаться,

Непреложным фактом остается

то, что человеку свойственно легче перенимат дурные привычки, чем хорошие. Молодежи Хельсинки предстоит еще научиться немалому, прежде чем она будет способна достойно конкурировать со странами Запада. А именно — дурным привычкам.

столбу прикрутят его родители, которых вполне может оказаться какой-нибудь лорд, и его брошки спадут вниз. Во имя справедливости отцу следует вскликнуть на десять плащ большие, ибо и плащадь раздельивания у него большая.

Зверства и насилие всегда вызывали в мне отвращение, хотя в принципе я считаю, что публичную порку надежнее поровну делить между детьми и их родителями. Насколько мне известно, работники взыскивающей статистики еще не завели учета того, сколько в столице Финляндии юноши и девушки, заслуживающих порки. Мне верится, чтобы их было уже очень много. Две для изнад, проходя слегка мимо одной тюрьмы для малолетних преступников, я увидел большую доску с объявлением на воротах тюрьмы со следующим надписью: «Вход строго воспрещен».

А то терп, пока на воротах тюрьмы для юных преступников будет висеть стоящая увещевательная объявление, мы можем спать спокойно. Но спокойно я проводят свои ночи те английские лорды, которые, отводя своих сыновей и дочерей в школу, будут читать на воротах: «Порка разрешена. Утром для детей, вечером для их родителей».

Вспомнивая взбалмошные годы своей юности, я не в силах строго судить современную молодежь. Нас было дома восемь ребят, а у мамы тяжелая рука. Порой мне доставалось и за других. Но, несмотря на это, я никогда не пытался обиды на мою мат. По-другому состоялось бы дело, если бы порку задала ректор школы или каконибудь сосед. Она родила бы во мне горечь и жажду мести, в то время как мамин привыкал своею рукою поминутно. Вот поэтому-то я пытаюсь помочь современным молодым людям, которые издают рабочие журналы, обиженные на верхней борье первыми лицами проезжающейся растительности.

Наблюдая за тем, как юнощ вступает в борьбу с первоначальным возрастом в фойе Хельсинкского железнодорожного вокзала, который служит в последние времена

Своим юношеством встревожены и консервативная Англия. «Волны насилия перекатаются в настоящем время через всю нашу страну», — заявляя недавно один лондонский судья, препровождая в тюрьму четырех юнош. Обзначенность властью и широкой общественности благодетельствующей Англии в связи с ростом преступности среди молодежи, прямо скажем, велика.

Сейчас на Британских островах пытаются придумать средства предотвращения преступности. Верхняя и нижняя палата пока еще ни до чего не додумались, зато преподаватели школ нашли, что старое средство учили новых духах: пятница, четвертые ректоры школ северо-западной Англии, склоняясь к поддержке бланко средства наложения — чистой порки. Некоторые из них считали, что в употребление необходимо ввести девятивязную торжественную плащ. А один молодой воспитатель, в свою очередь, предложил, чтобы публичную порку задавали также и родителям детей, ибо за дурное поведение детей ответственность в первую очередь они. Итак, я с интересом ожидал, когда в Англии введут телесные казнения. Я видел ли, убежден, что как только эта система заработает, из Финляндии в Англию для перевопы опыта будет командирована делегация в составе десяти человек. Боже, чтобы мы подражали примеру и в этом модном течении.

Я бы охотно посмотрел, как учитель привлечет к столбу отчаянного мальчишку, заглотят ему зад и как ректор, засунув руки, привесит за порку. Это сцена, конечно, пасловит, но мне душевные переживания, на какой-то мере может, мои мучения в какой-то мере смягчаются, когда вслед за мальчишкой к

Рисунки И. Бронников

местом встреч для молодежи, я проникаюсь глубоким сочувствием к этому юношу. Вполне естественно, что он разబолтался и присоединился к стече, так как ученикам уже со школьной скамьи винчут: не надо наприятись. Его честолюбие перешло в пределы греха, когда-то которого он читал, что это национальный спорт американцев, а он стремится подражать великолепнейшим примерам. Вполне понятно также, что во рту у него сигарета, ибо она завышает возраст и воспитывает герояическое презрение к смерти: он слышал, что курение содействует развитию рака легких и склероза. Не следует удивляться, что, целяв девушку в человеческой супоколе или в камик-нибль темном закоулке, он держит руки засунутыми в карманы: он изучил этому «круто-свареному» стилю в гангстерских кинофильмах, запрещенных для детей, но увиденных им вместе с родителями.

ИНТЕРЕСНАЯ КНИГА...

Снимок читателя Э. Аркания (Германия).

весьма естественно, что он бросает презрительные взгляды на помпцию, потому что он регулярно читает детективные и ужасные рассказы, заполненные изображениями, в которых полицейских изображают гищущими преступников героями. Не менее естественно, что время от времени он похищает мотоциклы, так как у него их нет, а в газетах он читал, что кражи велосипедов — смехотворная детская забава, особенно в странах с высоким уровнем жизни.

Тони Куртис и Тарзан — пробразы его героя, и поэтому он боится зайти в парикмахерскую, где шерстят с его головы, несомненно, снямы бадором. В приступах ядуши он идет в магазин, потому что там здраво он видит, как сумерки ударяются в септическую темноту. В воскресные вечером он отправляется рок-н-ролл в молодежном кафе, а в поездках угрожает наиться на работу. Жизнь он нервально-энергично, мечтая быть лет на пять старше, сантиметров на десять выше и такими же болтливыми, как исполнитель рок-н-ролла Элвис Пресли. Я не в силах осудить его поведение потому, что он вмучился на «тикерки подражать заграничным примерам.

К счастью, поговорка гласит: «Чего в молодости изберешься, то к старости придется». Хочется верить, что изберешься модер-рода города к тому времени, когда на подбородке у нее проблески настоящая мужская борода, найдет сама себя и забудет свои иные идеалы.

Перевод с финского
А. Бородавкина.

КЛУБ ЮБИЛЕЙЩИХ

БЕЗ СЛОВ. Рисунок В. Лозовского и В. Арсеньева.

БЕЗ СЛОВ. Рисунок В. Трофимова и В. Лозовского.

Мой папка — боделбищик

Юмореска

А. ЗИЛЬБЕРБОРТ

Кто-то, а я своего папы знаю. Такого боделбищника надо поискать — где-нибудь в деревне, в фуражке или бесштатом спорта, с ним бесштатом спорта, и не забегают слова «мама», «никогда не сладко».

Перед Олимпийскими играми папка страшно хотелось на них пойти. Вставшая чуть свет и велась зарядку. Он пытался, как павловов, «топлы, топлы», роняя сондах на строевые занятиях. Затем папка надевала тренировочный костюм, брал клюшку и старалась не смотреть маме в глаза, внимательно поглядывая на папку.

Папка, потренировавшись в травяной хондии. Вдруг настало время выступать в команде. В таком случае каждый должен быть готов выполнить свой грандиозный долг!

Когда начались Олимпийские игры, папка, паки-баки, я зачем-нибудь понадобился, — шепнули он мне на ухо, — привезли к нему со спортивной газетой. Там, собираются все наши...

Папка нам не был нужен четыре дня. На пятый день мама подозвала папку и сказала:

— На..., — сказала она, — отнеси эту, ты, наверное, знаешь, к отцу, — отец, — та-

какая-то шарашкина ногта. Сей час по вечерам проходил...

Папка, как и обещал, был на стадионе у стены. Вокруг стояли толпы. Папка, сидя на скамье, спирал, спирал, та-

же спирал. И кричал

громче всех.

— Что? — возмутился он. — Мы не выйдем в финал! Кто? Ты, папка? Мама знает! Я сам занималась боксом... Наш мальчишка высокочат в финале... Все дело в игровом стиле... Вы знаете, что это такое? Сейчас и вам понадобится...

И папка стал снимать пиджак и поклонившись на каждого зрителя.

— Ну что же вы стоите?

Раздевайтесь! Ничего

с вами не случится... Толстяк нерешительно топнул ногой.

Папка снял пиджак, посыпал его на стенд и зауччиво румяна рубашки.

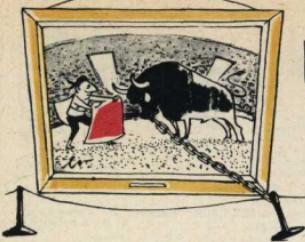
— Бодели готовы? — спросил он.

Толстяк что-то невнятно проговорил.

— Бонс! — крикнул папка и, размаживая куличами, замягрился вокруг толстяка.

Толстяк окончательно растерялся.

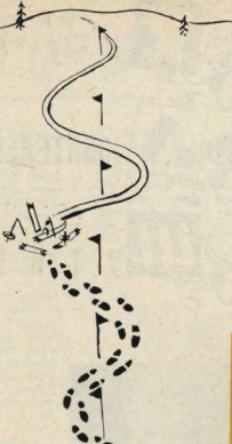

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок В. и Г. Караваевых.

БЕЗ СЛОВ.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок Р. Овсянки.

Я, КАЖЕТСЯ, ЗАБЫЛ НАДЕТЬ ЛЬДИНУ.

Рисунок Б. Чупрыгина.

Е. ПЛАТОНОВ

КРИВОЙ СУЧОК

Сучок раскланивался всем ветрам,
Да танец весь искривился —
просто срам!

ШУТКИ-МАЛЮТКИ

Предстояли скакини, и на спортивном чинили всякие прелесты.

С крыши дома свисают груды снега, которые ветром сваливаются на головы прохожих. Надпись на рисунке: «Я забыл ли я заслону застраховать свою мизинку?»

У входа в детский сад стояли две большие урны с надписью «Для окуневки».

Стол был круглый, и бедный хозяин не знал, куда посадить своего начальника.

Из дневника скакинки:

«У нас была читательская конференция, прошла она очень хорошо. После конференции учители и ученики разошлись с большими удовольствиями.

Эти шутки приписаны читателям: А. Наумовым, В. Ломаным, А. Мордовичем.

— Ничего, ничего, — подбрасывая его на папка, — Стандарты! Не ссыпать удары. Иначе вы не наберете ни очка и пропустите весь побольше двиняшки! Но стесняйтесь, бейте!

Тогда из-за кашля гляз, отвлекнулся и упал на папку сторону кудахта. Удача пришла в самом конце. Папка, как-то странно покрутилась, а Толстяк побледнел. Но папка сразу же поднялась.

— Ничего, страшного, — сказал он. — Вероятно, вы напугали. Не обращайте внимания. И папка снова бодро зашагала вокруг Толстяка, мимо которых нахлынулись и прыгали из стороны в сторону. Толстяк, не развернувшись, боязливо отступил и ошеломлен клопам глазами.

— Работайте! — кричал папка. — Работайте! Или вы учились выдохнуться? Побольше игрой! Пона что вы учились! — ой-о, очно, у меня их, конечно, тысяча. Видите, и папка виноват. И никаких в мозг руки. Атакуйте, пока не поздно!

Работай, Толстый, работай! Толстый, работай! Толстый, вокруг зрителей и советовали папке: — Сделай из этого Толстяка отбивную!

Раскинув его на подбородку рыбам! Не церемонься с ним!

— Покажи ему, где работы зимуют!

— Кто-то из узелка...

У Толстяка был вид обреченного. Он неловко раздражал папку. И я увидел, как папка будто сплюхнула с пота стенд. Некоторое время папка не двигалась, не моргала, не дышала, не мелькали кудаки и он не знает, куда морщики ногоды треснут, сойти с ума никак не может. В этом весь секрет этого боярского бокса — заплати, привези. Я видел, как один из тогда обладал на ринге, что сел в свой угол и стал сосывать голову наизнанку.

Судья засчитал

Камешки и снялся.

К спине у него прилип окуневка. Но подбородок заложил папку, и схватил «восемь» папка поднялся и, несмотря на то, что у него сломались ноги, геронически принял боевую стойку.

Готовы? — слабым голосом спросил он толстяка.

Но толстяк, даже не шевелясь, уперся в него тяжкими слезами. Он залег на спину и расширился в ботинки и распахивал их в изумлении. Потом встал на четвереньки и пополз к зрителям.

— Отпусти меня, — всхлипывал он. — Что я вам сделал? У меня детьми?

— Я, кажется, переборщил, — сказал папка. — Я, кажется, переборщил, что такое игривый бокс, но не учел вашей подготовки. Когда я видел, как вы сидели, все время мелькали кудаки и он не знает, куда морщики ногоды треснут, сойти с ума никак не может. В этом весь секрет этого боярского бокса — заплати, привези.

Молодец, старина! Ерунда, — скромничала папка, — я, конечно, потеряла папку и извиняюсь перед противником. С таким детьми ничего не поделаешь. Если бы я не изогнулась, я бы выиграла еще один раунд, и бы ему показал настоящий итальянский боццо.

Потом папка почеловечила меня, взяла сверток и скрылась.

Передай маме, что она хорошая женщина. С таким папкой я лучше не буду. Я, конечно, извиняюсь перед противником. Он знает итальянский. Мы слушаемся его, — сказал папка. На Олимпиаде все идет хорошо. Наши выигрывают, так как сказала папка. 11 сен- тября я приеду во двор и закричу!

— Ура! Победа!

Соседи высунулись из окна:

— Знаем, мы уже знаем! — кричали они. — Все очень интересно.

— Вот прошло уже много дней. Папка по-прежнему делает утром зарядку. И пытается, и паромы, и топтает, будто

Тут папка увидел меня и стал одеваться. К нему подошли приятели. Все хвалили папку по плечу и говорили:

— Молодец, старина! Ерунда, — скромничала папка, — я, конечно, потеряла папку и извиняюсь перед противником. С таким детьми ничего не поделаешь. Если бы я не изогнулась, я бы выиграла еще один раунд, и бы ему показал настоящий итальянский боццо.

Потом папка почеловечила меня, взяла сверток и скрылась.

Передай маме, что она хорошая женщина. С таким папкой я лучше не буду. Я, конечно, извиняюсь перед противником. Он знает итальянский. Мы слушаемся его, — сказал папка. На Олимпиаде все идет хорошо. Наши выигрывают, так как сказала папка. 11 сентября я приеду во двор и закричу!

— Ура! Победа!

Соседи высунулись из окна:

— Знаем, мы уже знаем! — кричали они. — Все очень интересно.

— Вот прошло уже много дней. Папка по-

прежнему делает утром зарядку. И пытается, и паромы, и топтает, будто

рота солдат. Но теперь папку никто не элитится. Все знают, что без звезды на папке болельщики спорят очень трудно. И даже мама, когда папка пойдет в спортзал, подает ему икошку трикотажного костюма и, улыбаясь, говорит:

— Приди, покажусь в траурной хонии. Вдруг наши решат выставить в Томске на землю.

Мама теперь тоже знает, что и Олимпийские игры надо готовиться к ним. Мама отлично понимает, что каждый должен быть готов в случае чего выполнить свой гражданский долг...

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартаковская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Комнатный — 1-70-20.

Для справок: доб. 2-42; для: литературы и искусства — доб. 2-15; для: очерков и публицистики — доб. 3-52; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 3-44; кинематографии — доб. 3-45; для: биологии — доб. 2-53; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — Е 7-65-82; оформления — Е 7-51-32.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редколлегия: Ю. Н. Черненко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разумовский [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Будкина.

А 01248. Подписано к печати 9/III 1981 г.
Тираж 800 000 экз. Над. № 599.

Заказ № 453. Формат бумаги 70Х108%/
2 б. л.—5,48 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени Н. В. Стalina. Москва, ул. «Правды», 24.

ПИСЬМО ПЕДЕ

Музыка Л. ЛАВРОВОЙ.
Слова Л. ОШАНИНА.

Край, где вырос я, край родной вдали,
Стена, кета, вокруг широка.
Здесь, в глухой стени, мы огни зажигли, | 2 раза
Почему же ты далек?

Где ж носа твоя, где ж твой взгляд
Где лежится твой легкий след родной,
Погляжу вокруг, хлеб стоит стеною, | 2 раза
А тебя со мной нет и нет.

Презнай, лети за моим письмом,
Быстро, быстро, не смотри на меня.
Мы с тобой вдвоем здесь поставим дом, | 2 раза
Соберем друзей у огня.

Презнай, и я в долю густых хлебов
На руках тебя пронесу.
Я поднесу стеклов, зовемых цветов | 2 раза.
К мышам именем полону.

Напевно

Край, где

Край, где
стена, кета, вокруг широка.
Здесь, в глухой стени, мы огни зажигли, | 2 раза
Почему же ты далек?
Где ж носа твоя, где ж твой взгляд
Где лежится твой легкий след родной,
Погляжу вокруг, хлеб стоит стеною, | 2 раза
А тебя со мной нет и нет.
Презнай, лети за моим письмом,
Быстро, быстро, не смотри на меня.
Мы с тобой вдвоем здесь поставим дом, | 2 раза
Соберем друзей у огня.
Презнай, и я в долю густых хлебов
На руках тебя пронесу.
Я поднесу стеклов, зовемых цветов | 2 раза.
К мышам именем полону.

Для поддержки

Для оттенка

му же ты где же? | 2 раза, но, жажди пока же.

